

Прошлый Детский

Наталья Александрова

СЕСТРА **М**ОЯ
СМЕРТЬ

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Сестра моя – смерть

«Автор»

Александрова Н. Н.

Сестра моя – смерть / Н. Н. Александрова — «Автор»,
— (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Куда бы ни попала Надежда Лебедева, тут же происходит криминальное событие. Она отправляется в лес за малиной, а находит труп задушенного мужчины. Поскольку милиция закрывает дело, говоря, что причиной смерти был инфаркт, Надежда самостоятельно берется за расследование. Оказывается, это дело каким-то образом связано с вице-губернатором Петербурга и с таинственными исчезновениями людей в соседней воинской части...

© Александрова Н. Н.

© Автор

Наталья Александрова

Сестра моя смерть

– Опять вы, Никандрова! – Майор Барабанов в сердцах швырнул ручку на стол и откинулся на спинку кресла.

Его красное, как раньше говорили, апоплексичное лицо приобрело свекольный оттенок и покрылось бисеринками пота.

– Я же вам доступно объясняю – все в порядке с вашим сыном, жив-здоров, никаких жалоб не поступало!

– Так-то оно так, – бедно одетая женщина по другую сторону стола опустила глаза, теребя в руках носовой платочек и как бы не решаясь – то ли заплакать, то ли воздержаться, – так-то оно так. Да только мне бы его повидать... Повидать бы Юрочку... Да передать бы ему кое-что из одежды... да из еды... Кормят-то там сами знаете как...

– Это вы зря слушаете всякую клевету на нашу армию! Кормят солдат и вообще хорошо, а в той элитной части, куда попал ваш сын, так просто на убой!

Женщина взглянула на майора с осторожным недоверием и завела прежнюю песню:

– Так-то оно так, да домашнее все ж таки лучше... И одежду теплую, а то он у меня мальчик болезненный... И повидать бы его...

– Он у вас не мальчик, а солдат! – рявкнул майор. – А солдат должен быть мужчиной! Он должен привыкать к лишениям армейской жизни, укреплять здоровье физкультурой и спортом, закаляться... Хотя, конечно, никаких лишений в армии сейчас нет. А в той элитной части...

– Так-то оно так, а вот соседка с четвертого этажа три раза уже к своему сыну ездила, он у нее под Кингисеппом служит, и повидала его, и теплые вещи...

– Достала ты меня своими теплыми вещами! – Майор Барабанов цветом лица стал похож на баклажан, нервы его были на пределе. – То есть вы меня достали! Сказали же вам ясно – все у него хорошо, а свиданий в его части не полагается!

– А вот соседка с четвертого этажа говорила, что если не дают свиданий и не получаешь писем, то надо обращаться в общество «Солдатские матери»...

– Так. – Майор Барабанов неожиданно успокоился, убрал в ящик стола свою дорогую паркеровскую ручку и сказал скучным голосом: – Записывайте. Доехать до станции Каннельярви, идти по грунтовой дороге слева от железнодорожных путей четыре километра, там будет КПП. Спросите капитана Васильева.

Женщина, радостно взволнованная, подробно записала инструкцию, поблагодарила майора и кинулась прочь из военкомата собирать Юрочке гостинцы.

Майор Барабанов, дождавшись, когда в коридоре затихнет эхо ее шагов, снял телефонную трубку и набрал номер.

– Ну, как я и предупреждал, мать Никандрова, настырная баба, вцепилась как клещ, начала «Солдатскими матерями» пугать. Так что я ее послал в Каннельярви. Разбирайтесь теперь сами.

– Что ж ты, майор, раньше-то думал? – зло осведомился его собеседник. – Говорили же тебе – сирот посылать!

– Где я вам столько сирот подберу? Здесь все подходило: парень здоровый, крепкий. Мать-одиночка, работает дворником – какие у нее связи? Я, что ли, виноват, если у вас ребята погибают?

– Сам знаешь, майор, у нас подготовка непростая. Процент смертности высокий...

– Знать ничего не хочу про ваши дела! – завизжал майор. – И слушать не буду! Посылал вам ребят, каких просили, – и все! Какой с меня спрос?

– Ты, майор, говори, да не заговаривайся, – холодно и зло прервал его собеседник. – Ты от нас деньги получал и впредь получать будешь. А попробуешь соскочить – сам знаешь, что тебя ждет. И нечего тут истерику устраивать! А то сам... в Каннельярви поедешь.

Майор Барабанов побелел от ужаса. Он хотел что-то ответить, но в трубке уже раздавались короткие гудки.

В электричке было почти пусто. В конце лета и в начале осени в Заходскую, Кирилловскую, Каннельярви обычно едет толпа грибников, в поезд иногда и не втиснешься, а сейчас, в марте, в вагоне ехало человек пять-шесть.

Наискосок от Марии Кондратьевны Никандровой сидел гнусного вида небритый мужик в рваном ватнике, явный бомж... «Ох, – думала Мария Кондратьевна, – выйдет за мной, нападет да отберет еду и вещи Юрочкины». А бомж мрачно на нее посматривал, подтверждая самые худшие ее подозрения. Хоть бы он дальше поехал. Ведь такие бомжи за кусок хлеба убить могут. Ох, не довезет она сыну гостинцы!

Но на станции Каннельярви страшный бомж остался сидеть в вагоне, и Мария Кондратьевна, с трудом спустившись с двумя тяжеленными сумками, радостно зашагала по грунтовой дороге. Она не обратила внимания на то, что из соседнего вагона вышел коренастый мужчина в коротком черном пальто и вязаной шапочке.

Подождав, пока Мария Кондратьевна углубится в лес, мужчина не торопясь пошел следом.

Мария Кондратьевна шла, счастливая, не замечая тяжести сумок. Она предвкушала встречу с сыном, думала, как она сядет рядом с ним где-нибудь в уголке, разложит перед Юрочкой домашнюю еду и будет гладить его по руке, смотреть, как он ест, и расспрашивать о том, как он служит, подружился ли с кем...

Она шла быстрым, радостным шагом. Снег на дороге был неглубокий, но видно было, что по нему сегодня еще никто не проходил. Это показалось Марии Кондратьевне немного странным, но мысли ее были заняты другим, и она отбросила такую странность не задумываясь.

Она шла и шла, дорога постепенно сужалась, снег становился все глубже. Сверху тоже посыпалась мелкая мокрая крупа. Женщина взглянула на часы и удивилась – она идет уже почти два часа, не может быть, чтобы не прошла четырех километров, а никаких признаков воинской части и в помине не было, наоборот, место становилось все более глухим и диким.

Где-то сзади послышались приближающиеся шаги. Мария Кондратьевна поставила сумки на снег, решив дождаться человека – если уж он идет по этой дороге, так наверняка туда же, куда она – в ту же часть. Только теперь, поставив сумки и выпрямившись, она поняла, как устала. Неужели она пошла не по той дороге и теперь придется возвращаться?

На дороге появилась коренастая мужская фигура. Слава Богу, приближающийся мужчина выглядел прилично, не был похож на того бомжа из электрички, а то сейчас оказаться в лесу, на пустынной дороге, один на один с таким... Подумать страшно!

Мужчина приблизился. Росту он был невысокого, но очень плотный, с длинными сильными руками, а больше Мария Кондратьевна ничего не разглядела.

– Скажите, – обратилась она к встречному бодрым голосом, стараясь преодолеть невольно зародившийся в сердце страх, – скажите, далеко еще до КПП?

– До КПП? – переспросил мужчина, подходя к ней вплотную. – До КПП, говорите? Да уже близко совсем.

Он полез в карман, должно быть, за папиросами, видно, хотел отдохнуть, покурить. Но вместо папирос он достал темный продолговатый предмет. Предмет щелкнул в его руках и выпустил узкое, холодно блеснувшее лезвие. Мария Кондратьевна похолодела. Сбывались все ее самые худшие страхи.

– Не надо, – тихо проговорила она, – пожалейте. Я к сыну иду, к Юрочке. Вещей ему теплых, гостинцев... Если вам надо чего, вы возьмите, только не все – чтобы Юрочке тоже осталось. Я его полгода уже не видела... Юрочка служит здесь, сыночек мой. Я одна его растила. А теперь вот ни писем от него, ни свиданий не дают...

Мария Кондратьевна говорила и говорила, пытаясь заговорить смерть, как ее деревенская бабка заговаривала когда-то кровь из порезанного пальца или зубную боль.

Но, взглянув в спокойные, равнодушные глаза мужчины, она поняла, что все напрасно, что ничего сделать она не сможет, что смерть нагнала ее на этой мартовской проселочной дороге...

– С сыном хочешь увидаться? – тихо спросил убийца. – Увидишься. Скоро уже.

Поняв страшный смысл его слов, она тихо ахнула, и две дорожки слез побежали по ее щекам...

Убийца взмахнул ножом, и Мария Кондратьевна повалилась на снег. Какое-то время она еще видела черные ели в белом снежном уборе, но вскоре свет померк в ее глазах.

Убийца подтащил ее тело к протекавшему неподалеку ручью и сбросил в черную полынью, потом туда же приволок тяжело набитые сумки – теплые вещи для Юрочки, домашние гостинцы...

* * *

Алексей вышел из метро и перевел дух. И хотя на улице шел мелкий дождь со снегом, ему стало легче. В метро, как обычно, было множество распаренных озлобленных людей. Алексея зажали в угол, поручень больно врезался в левый бок, стало трудно дышать. На улице полегчало, Алексей вздохнул медленно и неглубоко – боль прошла. Что ж, надо идти домой. При мысли о том, что он будет давиться три остановки в переполненном трамвае, его затошнило. Он выбрал путь пешком, и ноги сразу промокли в старых ботинках. Да при такой грязи спасли бы только болотные сапоги. Алексей поймал себя на том, что нарочно замедляет шаг, чтобы попасть домой позже. Он стиснул зубы и рванулся вперед. Что, так и шляться под снегом? Еще не хватало воспаление легких схватить!

Дверь он открыл своим ключом – не хотелось ни с кем сталкиваться в коридоре. Сегодня у него не было сил выслушивать упреки и оскорбления. Но ему не повезло, как всегда, отметил он, горько усмехаясь про себя. Скандал разгорелся до его прихода, и теперь он подоспел как раз вовремя. Они уже сказали друг другу все, что думают, выпустили пар, и настал момент объединиться против нового лица. Так что Алексей оказался очень кстати.

– Что так долго? – хмуро спросила жена, появляясь на пороге.

– А он никогда не торопится, – ехидно вякнула теща из кухни, – еще бы. Ведь не ему обед десять раз подогревать.

– Хоть бы здрасте сказали! – не выдержал Алексей.

Они удивленно замолчали, но быстро оправились, увидев, что Алексей снял куртку, расшнуровал ботинки и положил на столик под зеркало одну перчатку.

– Где вторая? – грозно спросила теща.

Алексей разогнулся с трудом, в ушах звенело.

– Что? – глухо спросил он.

– Так я и знала! Этот остопоп опять потерял перчатку!

Перчатки действительно были почти новые, кожаные. И наверняка он потерял одну. Водился за ним такой грех, но почему-то сегодня их крики по поводу пропавшей перчатки довели его до бешенства.

Из своей комнаты выползла дочь. Она стояла, в старых лосинах, некрасиво обтягивающих толстый зад, и жевала резинку, с любопытством наблюдая за скандалом. Его дочка... Да не его же!

Никогда он раньше не позволял себе так думать. Женился на Аньке, взял ее с ребенком – так знал же про это. Сам сказал ей – дочка будет наша. И тещу терпел семнадцать лет. Угождал ей во всем, лишь бы мир был в семье. Ничего не помогало.

Тещин голос набирал обороты, она перешла на личности.

«Может, надо было разменяться с самого начала?» – безнадежно думал Алексей.

Он посмотрел на них троих – жену, тещу и дочь – и понял, как они похожи. Нет, ничего бы не помогло.

– Дармоед! – надрывалась теща. – В дом ничего. Только вещи теряет! В квартире черт-те что творится, а он шляется вечно!

Это была заведомая ложь: их окаянную квартиру, и дачу тоже, он вылизал в свое время как игрушку. Ну не умеет он зарабатывать деньги. Так не всем же быть новыми русскими. Он долго держался за свою государственную контору, но вот появился новый директор, что-то там в верхах перерешили и сократили пол-института. Из тех, кто сам раньше не ушел.

Он стоял в коридоре и смотрел на их орущие рты. Интересно, если он будет вот так молчать, насколько их хватит?

Теща, не в силах смириться с пропажей перчатки, кинулась к его куртке и стала обшаривать карманы. Алексей хотел было ей помешать, но спину ломило, голова кружилась. И он отступился. Теща с торжеством вытащила у него из кармана трудовую книжку и тонкую пачку денег. Она застыла было на миг, тупо глядя на то, что у нее в руках, но жена оказалась сообразительнее, выхватила книжку и прочитала вслух:

– «Уволен в связи с сокращением штатов».

Казалось бы, ну что такого ужасного, думал Алексей. Они же сами все время орали, чтобы он не цеплялся за эти жалкие гроши и искал другую работу. Но две стервы просто даже обрадовались, что им подвернулся новый повод поскандальить. Дочь равнодушно пожала плечами и хлопнула дверью своей комнаты.

«У Аньки голос визгливый, – думал Алексей, – но до тещи ей далеко. Какого черта я вообще тогда женился? Ведь видел же тещу перед собой. Анька сейчас вылитый ее портрет».

– Хоть бы ты провалился куда. А то корми его теперь задаром! – орала теща. – Нашел бы, что ли, дуру какую-нибудь, так кому он нужен-то, все теперь умные!

Они давно уже его провоцировали. Но он убедил себя в том, что это просто такие люди несдержанные. Сколько раз потом после скандала теща удивленно пожимала плечами: «Уж больно ты обидчивый. Этак если к каждому слову цепляться... ты пропускай мимо ушей».

Но он не мог как они – просто бросать слова на ветер. Он не мог разругаться вдрызг, уйти, хлопнув дверью, а на следующий день как ни в чем не бывало явиться домой и делать вид, что ничего не произошло. Он всегда придавал словам много значения, слишком много. Он знал, что если уйдет из этого дома, то навсегда. Так почему же он этого не сделал? Неужели только потому, что некуда идти? Анька нарочно орет тут про других женщин, на самом деле она прекрасно знает, что у него никого нет. И родственников тоже уже не осталось. И друзей его они отвадили в первые годы после свадьбы.

Две мегеры орали уже теперь вовсе что-то несуразное. «Сам виноват, – зло подумал Алексей, – сам их распустил. Позволил вытирать об себя ноги».

Заколело в левом боку. Сейчас бы полежать спокойно, посмотреть ерунду какую-нибудь по телевизору. И чтобы кто-то принес чаю с лимоном, сел рядом, погладил по голове. Говорить ничего не надо – так, пустяки какие-нибудь: не простудился ли он, не промокают ли ботинки и что весной у людей повышенная утомляемость из-за авитаминоза. А летом все пройдет и наладится.

Что это он размышлялся, одернул себя Алексей. Никогда в его семье такого не было и не будет. Какого черта! Он потерял семнадцать лет жизни с этими сволочами. Внезапно он понял, что уходит не к другой женщине, а от этой, когда нет сил больше терпеть. Он шагнул к Аньке и вырвал свою трудовую книжку и тонкую пачку денег. От неожиданности она выпустила все из рук. С тещей-то у него такой номер бы не прошел!

Он сунул ноги в ботинки, а руки в рукава куртки, подхватил шапку, а оставшейся перчаткой запустил в тещу.

– Ты что это... ты что себе позволяешь? Ты на кого руку поднял? – Она добавила несколько совсем уже бранных эпитетов, матерных. Раньше она все же такого себе не позволяла, однако ей очень подходило ругаться матом. Алексею даже стало легче сделать то, что он собирался. Он нащупал в кармане паспорт, положил туда же бумажник и на прощание сказал:

– Чтоб вы все провалились!

– Куда ты? – изумленно спросила Анька, но теща дернула ее сзади за рукав.

Алексей с удовольствием хлопнул дверью и вышел на лестницу, наступая на шнурки. Однако когда он завязал ботинки и выпрямился, он почувствовал себя так плохо, что испугался. В голове стучали тысячи молотков, в ушах звенело. Это от нервов. Вернуться? Ни за что! И он вышел под мокрый снег.

После сорокаминутного блуждания по холоду ему стало совсем худо. Хотелось немедленно согреться, а в их дурацком спальном районе не было ни кафе, ни баров – только унылые серые дома, а в них – одинаковые квартиры с тещами. Он уже плохо соображал. Возможно, даже бредил. Бормоча что-то, он заглянул в парадную и увидел приоткрытую дверь подвала. Пахло вонючим теплом. Из последних сил он сделал несколько шагов по лестнице. Внезапно что-то сильно ударило его в левый бок, и он без памяти скатился в теплую и темную глубину.

Он пришел в себя от того, что глаза сквозь веки слепил яркий свет.

«Где я?» – ему казалось, что он произнес эти слова вслух, но никто не ответил.

Он плотно сжал губы и почувствовал, что они сухи и покрыты коростой. Звуки доходили до него как сквозь толщу воды, но кое-что он мог различить: звяканье, женские голоса.

«Спокойно, – уговаривал он себя, – сначала надо все вспомнить. Я – Алексей Бодров, – всплыло в мозгу. – Уже лучше, а теперь немножко напряжемся и вспомним, как мы сюда попали».

Но память не отзывалась, тогда он осторожно приоткрыл один глаз. И ничего не увидел – перед глазами стояла белая пелена. Тогда он открыл оба глаза как можно шире и заметил, что над ним наклонилась довольно хорошенькая сестричка в кокетливом белом халатике.

– П-привет! – еле разлепляя губы, произнес он.

– Ух ты, какой шустрый! – сестричка засмеялась. – Не успел глаза открыть и сразу – привет.

Алексей хотел поднять голову, но что-то мешало. И тело опоясывал жесткий панцирь.

– Тише, тише! – испугалась девушка. – Юрий Михалыч!

Подождал врач.

– Как зовут? – осведомился он, заглядывая в медкарту.

– Леша... Алексей Бодров... Константинович.

– Верно! – улыбнулся врач. – В паспорте так и сказано. Имя ты свое не забыл. Покажи, какая правая рука, какая левая. – И удовлетворенно хмыкнул, когда Алексей показал. Потом он поводит у него перед глазами указательным пальцем и похлопал по плечу: – Не горюй, мужик, жить будешь!

– Ч-что со мной?

– Пустяки, три ребра сломаны, синяки-ссадины да сотрясение мозга. Вот позвоночник ушиблен... но, даст Бог, и это преодолеем.

Врач отошел к стонавшему соседу, а к койке Алексея подошла другая сестра, постарше, и стала устанавливать капельницу.

– Какое сегодня число? – Он уже произносил слова довольно сносно.

– Тише ты, не мешай.

– Ну какое число? – ныл он.

– Отстань ты, ну двадцать первое.

«Двадцать первое марта, – подумал он, – это значит, что я здесь три дня».

Потом уже хорошенькая сестричка Наденька рассказала ему, что нашли его при выходе из подвала на лестнице, всего избитого. Он был без сознания.

– Как же вы попали в ту парадную?

– Не помню. – Он отвернулся к стене.

Надя приглядывалась к нему внимательно. На бомжа этот мужчина не был похож. И тетя Дуся из гардероба, куда сдавали одежду больных, сказала, что одет Бодров, конечно, так себе, но чисто.

– Хочешь, я к тебе домой позвоню? Волнуется жена-то небось, тебя три дня как нету.

– Я телефон забыл, – резко ответил Алексей.

– Да, при сотрясении мозга это бывает. Но ты не волнуйся, я номер выясню.

– Не надо! – вскричал он и добавил, успокаиваясь: – Не надо звонить, очень тебя прошу. Не волнуется жена за меня совсем. Мы с ней разошлись.

– Ну что ж, всякое бывает. Ты, значит, так от нее и ушел с одним паспортом в кармане?

– Выходит, так.

Он провалялся в больнице целый месяц. Ребра зажили быстро, сотрясение мозга прошло, как полагается, за двадцать дней, но врачей беспокоил ушиб позвоночника. Алексея просвечивали, возили на консультацию к профессору, но все же разрешили вставать. К нему никто не приходил, так что он здорово отощал на больничном питании. Побаливала спина, кружилась голова, а в остальном здоровье восстанавливалось. Он часто лежал молча, отвернувшись к стене, и раздумывал о своем дальнейшем житье. Жить было негде и денег – кот наплакал. Что ж, у него остался последний выход – тетя Клава. Произнеся это имя вслух, он усмехнулся. У тети Клавы был дом в деревне Лисино Лужского района. Тетя Клава в деревне не жила, и он спокойно мог воспользоваться домом пока, на время. Ему надо продержаться несколько месяцев. Самое большее до осени, а там... будем надеяться, что все изменится.

Он сам настоял на выписке, хотя чувствовал себя неважно – с их больничными сквознями устроили ему, кажется, воспаление легких. Когда ему выдали одежду и по описи документы, часы и бумажник, он с изумлением обнаружил, что бумажник пуст. А ведь там были деньги, много ли, мало, но это его последние. Он внимательно посмотрел на кладовицу тетю Дуню. Она быстро сновала по кладовой и торопила его, отводя глаза.

– Тетя Дуня, а где же деньги? – громко удивился он.

– Какие деньги? – Голос ее по тембру визга напоминал только что опоросившуюся свинью.

– Три с половиной тысячи было в бумажнике.

– Откуда я знаю, где твои деньги? Может, бомжи вытащили, пока ты в подвале валялся?

– Врешь, старая. Если бы бомжи вытащили, то уж и часы, и документы. Да и одежду бы сняли. А если бы ваши в «скорой», то документы и одежду бы оставили, а часы бы уж точно поперли. У меня часы хорошие, двести долларов раньше стоили. Так что деньги ты слямзила, я точно знаю. А часы побоялась. Потому что тебе вещи мои санитар по описи сдавал.

Тетя Дуня молча глядела на него, раздумывая: заорать или кончить дело миром. Прикинув физические возможности свои и Алексея, она решила было заорать, но взглянула ему в глаза и передумала.

– Вот что, бабка, – вздохнул Алексей, – давай так сделаем. Бери мои часы за тыщу рублей – и мы в расчете. Я к заводу делением обращаться не буду, уйду по-тихому. Ну?

Баба Дуня переводила взгляд с часов на Алексея. Часы действительно были стоящие. И зятю скоро будут именины – как раз хороший подарок...

– Пятьсот! – сказала тетя Дуня строго.

– Восемьсот – и ни рубля меньше! – твердо ответил Алексей. – А иначе иду к заводу делением.

– Ладно уж, – вздохнула баба Дуня. – Из уважения к больному человеку.

Она удалилась в глубь кладовки и вынесла Алексею мятые бумажки.

Он вышел на улицу. Было тепло, а на нем зимняя куртка. В бумажнике лежали восемьсот рублей, и неизвестно, сколько времени ему предстоит жить на эти деньги.

Ольга Шувалова проснулась, как всегда, поздно и, как всегда, в отвратительном настроении. Накануне она снова вдрызг разругалась с мужем. Никита, по обыкновению, читал ей мораль – объяснял, как должна вести себя жена политика, потом оставил инструкции Аскольду и отбыл в Москву. А Ольга в знак протеста много пила вечером одна, хотя обычно старалась этого не делать, но уж очень достал ее Никита. В результате она с трудом нашла в своей огромной квартире собственную спальню и даже, кажется, ходила перед Аскольдом чуть не голая – пусть Никитин цепной пес помучается... Хотя если честно, то видно, что его Ольгины прелести абсолютно не волнуют. Голубой он, что ли?

Ольга, может быть, поняла бы мужа, если бы он стерег ее из ревности. Но ведь нет, он беспокоился только о своей репутации политика. Она должна была соответствовать вылепленному им образу – красивая ухоженная светская дама, украшение раутов и дипломатических приемов, верная и надежная спутница мужа... Никаких скандалов, никаких мужчин – Боже упаси! Ни одно пятнышко не должно замарать кристально чистый образ жены вице-губернатора...

Боже, как ей было с ним скучно! Один вид его серьезной физиономии вызывал у нее физическую зубную боль! Раньше, когда они могли еще спокойно разговаривать, вместо того чтобы сразу заводиться на скандал, Никита объяснял ей, что карьера политика – очень сложная вещь, что он делает это не только для себя, что ей, Ольге, тоже будет гораздо лучше, если его переведут в Москву, что там совсем другая жизнь, она и не представляет себе, какие их ожидают перспективы и деньги.

Умом Ольга с ним соглашалась, но поскольку ее просто трясло от того, как он ходит, ест и говорит, то все его воспитательные речи пропадали даром. Как-то раз в относительно мирный период их взаимоотношений она спросила мужа, не будет ли он возражать, если она займется собственным бизнесом. Вот и Анна Андреева, и Елена Яблонская... Но Никита тогда так на нее посмотрел! Она ему никогда не простит того взгляда – он ударил ее сильнее любого оскорбления. В нем явственно читалось: не с твоими, душечка, мозгами... А она так надеялась, что собственный бизнес развяжет ей руки – муж не сможет контролировать каждый ее шаг, каждый телефонный звонок... Да и деньги... Разумеется, он ей кое-что давал, но эти деньги так быстро кончались, и опять начинался скандал.

«Я тебе только что дал десять тысяч долларов! – кричал этот сквалыга. – Неужели ты их потратила?»

Конечно, истратила, иначе стала бы унижаться и просить еще... И не только что, а на прошлой неделе. И что такое десять тысяч, если в «Конти» за одну ночь ничего не стоит проиграть пятьдесят? И вообще, все вокруг твердят, что жизнь подорожала! Лучше бы боролся с дороговизной жизни, если он такой выдающийся политик! Ведь народ живет очень трудно! Когда муж не давал денег, Ольга очень сочувствовала народу...

Приняв душ и выпив стакан сока из грейпфрута, Ольга решила, что жизнь не так плоха и у ее мужа Никиты Шувалова тоже есть свои достоинства. Например, то, что он очень много времени проводит в Москве. И если бы не проклятый Аскольд... Но следовало употребить время командировки мужа с пользой. Ольга задумалась: как бы позвонить Игорю? То есть позвонить ничего не стоило – вон лежит переносная трубка, звони хоть из ванной, хоть из туалета. Но проблема в том, что сволочной Аскольд умудряется прослушивать все ее разговоры. Как он это делает, Ольга не знала, в технике разбираться ей было неинтересно. Поймать его за руку она не могла, но не сомневалась, что он прослушивает разговоры по приказу мужа. Ругаться с Аскольдом не было никакого толку: он смотрел на Ольгу и улыбался непроницаемой улыбкой. Один раз Ольга решила пожаловаться мужу, что Аскольд к ней приставал. Но Никита верит ему больше, чем жене, поэтому он только усмехнулся в ответ.

А позвонить Игорю очень хотелось. Хотелось оказаться с ним в его маленькой однокомнатной квартирке и оттянуться на всю катушку... Ей хотелось думать, что Игорь – это мужчина, который ценит ее как женщину, что ему так же хорошо с ней, как и ей с ним. Разумеется, так получается, что ей приходится всюду платить за него, да и ему совать какие-то деньги... Но он так беден, а разве ей жалко сотни-другой баксов. За все хорошее надо платить, это бесспорно. Игорь уверяет, что он беден, потому что талантлив. Талантливые люди ранимы, они нуждаются в ласке, заботе и душевной теплоте. Игорь – журналист, но завистливые бездарности, как он утверждает, мешают ему пробиться. Из-за них Игоря «ушли» из одной газеты, из другой и с телевидения тоже. Ольга не очень-то слушает его подробные жалобы, гораздо интереснее заниматься с ним другим делом.

Но с каждым разом все труднее и труднее улучшить минутку для свидания, Аскольд свое дело знает туго.

Мобильник запищал неожиданно. Ольга схватила его раздраженно.

– Девочка моя, как ты? – Голос матери сегодня был беспокойным.

Понятно, нынче разыгрывается пьеса «Встревоженная мать».

– Все в порядке, – по возможности спокойно ответила Ольга.

– Почему ты не позвонила мне? – Мать тотчас же сменила тон.

Раз у Ольги все в порядке, то она обязана была позвонить или заехать, побеспокоиться о больной матери. Словом, сейчас уже разыгрывалась другая пьеса, «Неблагодарная дочь». Ольга подавила в себе сильнейшее желание бросить трубку и отключить мобильник насовсем. С матерью надо быть осторожнее – она может принять какие-то таблетки, позвонить всем знакомым, как уже было один раз. Мать тогда увезли в больницу, промыли желудок и отпустили, но какой-то мерзавец успел выпытать у нее, кто такой ее зять. И на следующий день в паршивой бульварной газетенке мелким шрифтом была напечатана крошечная заметка о том, как вице-губернатор Шувалов довел свою тещу до самоубийства.

Скандал в больнице Ольга устроила страшный. Газету закрыли – Никита сделал пару звонков, и на газетенку наехали по очереди санэпидемстанция, пожарные и собственно «крыша». Все сразу никакая организация не выдержит. Заметку в общем-то никто не успел прочитать, но Никита страшно разозлился и орал на Ольгу, а потом две недели не давал денег. Так что теперь Ольга была с матерью очень осторожна.

– Я собиралась заехать сегодня, мама.

– Ну если тебе некогда, то я не настаиваю, – обиженно протянула мать. – Но могла бы поддержать меня, потому что именно сегодня такой день.

– Какой день? – Ольга не сумела скрыть раздражение.

– Сегодня мне очень плохо, потому что пришло письмо. – И поскольку Ольга молчала, мать продолжила без прежнего надрыва в голосе: – Пришло письмо от твоей сестры. В нем говорится о смерти твоего отца.

– Хорошо, мама, я заеду вечером, – быстро ответила Ольга.

Соглашаться на вечер было ее ошибкой, поняла она, когда открыла своим ключом дверь материной квартиры. Получив письмо утром, мать за целый день успела подготовиться. И теперь Ольга, войдя в комнату, изумленно застыла на пороге.

Зеркало было завешано тонкой материей. Сама мать сидела на диване, обложившись подушками, в черном платье и черной косынке, повязанной по самые брови, так что волосы совсем не были видны.

– Что случилось, мама?

– Ты что, не поняла? – нервно отозвалась мать. – В семье покойник. И потом, почему ты опоздала? Я думала, ты будешь к шести.

– Я сказала – вечером. А точное время не назвала, – терпеливо возразила Ольга.

– Вот именно, я ждала.

Ольга поняла – мать приготовилась заранее, чтобы получился соответствующий эффект. Ольга все не шла, и матери надоело сидеть таким чучелом.

– Ну хорошо, так что там с письмом? – миролюбиво спросила Ольга, подсаживаясь к матери на диван.

Мать вытащила откуда-то из-под себя достаточно помятый листок бумаги.

– Там не очень можно разобрать. Потому что когда читала, я плакала, – сообщила она.

Ольга низко наклонилась над письмом, чтобы скрыть злую улыбку: письмо было написано шариковой ручкой, такие строчки от слез не расплываются. Да полно, слезы ли? Она отогнала от себя видение: мать сидит над письмом и капает на него водой из пипетки. Нет уж, что-то, а плакать по заказу ее мать всегда умела.

– Читай вслух, доченька!

Ольга поморщилась от фальшивых ласковых нот в голосе матери и медленно прочитала:

– «Здравствуйте, мама!

Прошу простить меня за печальные вести, но я должна сообщить Вам, что двадцатого апреля этого года умер мой отец, а ваш муж Синицын Георгий Петрович. Он скончался в больнице, где лежал до этого месяц. Диагноз – инфаркт, хотя до того, как первый раз попал в больницу, он на сердце никогда не жаловался. Похоронен он на Строгановском кладбище, в нашем городе оно единственное.

Еще раз простите за горестную весть, но я решила, что Вы должны об этом знать. Передайте также, если сочтете нужным, это моей сестре Ольге.

Надеюсь, что вы обе находитесь в добром здравии.

Лена Синицына».

По окончании чтения мать всхлипнула и поднесла к глазам черный же (откуда она его только выкопала?) кружевной платочек.

– Бедная, бедная моя девочка! Одна там. Совсем одна!

– Почему ты думаешь, что она там совсем одна? – возразила Ольга. – У нее вполне могут быть муж и дети.

– Откуда у тебя этот равнодушный тон? – вскричала мать. – Ты только что прочла о смерти собственного отца и не проронила ни слезинки!

Ольга закусил губу и, чтобы не наговорить лишнего, стала внимательно разглядывать письмо. Написано четким почерком без помарок и ошибок. Лишнего ничего не сказано. Тон письма весьма сдержанный, даже скорее официальный. Понятно, она не знала, куда пишет, кому. Возможно, письмо прочитали бы совершенно посторонние люди. Скорее всего она долго раздумывала, как написать, сделала черновик. Пишет, что отец скончался двадцатого апреля, а на письме дата – второе мая. То есть похоронили, поминки справили, и только потом она написала, чтобы не заподозрили, что денег просит. Гордая, значит, сестричка!

Ольга спокойно отметила, что при слове «сестра» в ее душе ничего не шевельнулось. Мать смотрит с упреком во взоре. А кто, интересно, все это устроил?

Ольга вспомнила, как в детстве они все жили вот в этой квартире – мать, отец, она и маленькая сестренка Лена. Но та появилась потом. У них с Ольгой была большая разница – семь лет. В воспоминаниях самого раннего детства родители все время ругались. Отец очень громко кричал на мать. А та отвечала ему визгливым голосом. Потом Ольга помнит, как они с матерью долго ехали в поезде, потом жили в маленьком городе у родственников, и тетка там все в чем-то мать упрекала, а мать отругивалась.

Позднее Ольга расспрашивала мать об этом периоде, та сказала, что больше не могла жить с этим человеком, он иссушил ее сердце – мать любила красивые обороты. А потом он приехал за ней и на коленях умолял вернуться. По иной версии, Ольге подошло время идти в школу, и надо было ехать в большой город, чтобы дать ребенку приличное образование. А скорее всего мать все же вняла теткинским уговорам и, поглядев вблизи на жизнь в провинции, сообразила, что лучше жить с нелюбимым мужем, но в большом городе в трехкомнатной квартире, чем вообще без мужа и в двухэтажном деревянном домике на шесть семей с общей кухней и удобствами во дворе.

Так или иначе, они вернулись, и через год родилась Ленка – маленькое орущее существо. Родители немного отвлеклись от скандалов, Ольга пошла в школу, а через три года отец забрал сестру и навсегда исчез из жизни матери и Ольги. Ольге тогда было десять лет, но потом она несколько раз задавала матери прямые вопросы.

– Почему вы расстались? – спрашивала она.

– У этого человека страшно тяжелый характер, – отвечала мать.

– Почему нас поделили?

– Потому что он любил твою сестру больше, чем тебя.

– Почему? – не отступала Ольга.

На этот вопрос она каждый раз получала разные ответы.

– Я никогда его не любила, – говорила мать, округляя глаза, – я всю жизнь любила одного человека, ты – его дочь.

– А зачем же ты вышла за отца? Ты его обманула?

– Он знал обо всем и на коленях умолял меня выйти за него замуж! – восклицала мать, прижав руки к груди.

В следующий раз она утверждала:

– Он нарочно украл мой паспорт и не отдавал его, пока я не пойду с ним в загс!

Со временем, когда Ольга достаточно выросла, мать немного изменила первоначальную версию:

– Он заманил меня, невинную девушку, напоил и взял силой. Что мне потом было делать, когда под сердцем стучалась ты? – Мать всегда любила выражаться красиво.

Ольга махнула рукой на расспросы, ей это стало неинтересно. Она занялась своей жизнью – учебой, поклонниками. Мать тоже пыталась несколько раз выйти замуж, но каждый раз до конечного результата дело не доходило: то в последний момент оказывалось, что кандидату в мужья просто негде жить и он жаждал прописаться в их удобной трехкомнатной квартире, то у очередного поклонника обнаруживалась престарелая мамаша, к которой он был страшно привязан, а она заочно невзлюбила будущую невестку – словом, каждый раз, пока рядом с ней находился мужчина с цветами и конфетами, прилично одетый и чисто выбритый, мать была счастлива. Но как только доходило, так сказать, до дела, то есть появлялась серьезная угроза, что в их уютной чистенькой квартирке появится большое неряшливое ворчащее существо, которое надо будет кормить, обстирывать и вообще всячески улаживать, все мечты матери о замужестве сходили на нет.

С отцом, а тем более с сестрой они не поддерживали никаких отношений. Ольга была мала и не успела привыкнуть к отцу, тем более что он ею совершенно не занимался, поэтому разлуку перенесла безболезненно, а расспрашивала мать просто потому, что не любила ника-

кой недосказанности. Они прекрасно существовали отдельно. И совершенно незачем было матери сейчас лить крокодиловы слезы.

Матери действительно надоело изображать безутешную скорбь, и косынка лезла на глаза, поэтому она тяжело вздохнула и откинулась на спинку дивана.

– Что же делать, что делать? – бормотала она.

– А что ты собираешься делать? – удивилась Ольга.

– Но ведь он умер!

– Ну и что? – Против воли в душе Ольги поднималось раздражение на лицемерие матери. – Почему ты так сокрушаешься о смерти человека, с которым не делала попытки видаться двадцать шесть лет? И, судя по твоим рассказам, он не заслуживает, чтобы о нем плакали.

– Тише, тише! – Мать испуганно перекрестилась, что окончательно вывело Ольгу из себя. – Он может услышать, его душа...

– Послушай, он умер почти месяц назад, совершенно незачем завешивать зеркало! И умер не здесь, и она, его дочь, давно его похоронила. Кстати, ты собираешься отвечать ей на письмо? Обратный адрес есть.

– Мне очень больно. – Мать отвела глаза.

– Действительно, что можно написать дочери, которую бросила в трехлетнем возрасте? – зло поддела Ольга.

Мать картинно заломила руки, скосила было глаза на зеркало, чтобы посмотреть, как она выглядит, но зеркало было закрыто дурацкой тряпкой, и она зарыдала от обиды, что не может на себя посмотреть в роли «оскорбленная мать».

– Тогда я сама напишу, – продолжала Ольга как ни в чем не бывало.

Мать перестала рыдать и взглянула на нее подозрительно: она отлично знала свою дочь и неоднократно имела случай убедиться, что Ольга просто так ничего не делает. Ольга же и сама не могла пока объяснить, но интуиция подсказывала ей, что неожиданное письмо от сестры, про которую она давно забыла и думать, может быть ей очень полезно в дальнейшем.

Хотя до прибытия поезда в Петербург оставалось еще больше часа, Лена давно уже стояла у окна в коридоре, ей хотелось первой увидеть трубы и высокие дома большого города, ее родины, как, усмехаясь, повторяла она про себя. Мельком оглядела свое отражение в окне. Выглядит она сегодня не очень, как и вообще в последнее время после смерти отца. Да и раньше, выражаясь образно, путь ее не был усыпан розами, а только их шипами.

«Неудачница! – твердил отец. – Моя дочь – неудачница».

Он и умер с этой мыслью, возможно, это сильно его точило и ускорило смерть, ведь, несмотря ни на что, отец очень ее любил. У них не было никого, кроме друг друга, они всегда жили вдвоем, вернее, почти всегда, потому что бабушка, мать отца, умерла, когда Лене было восемь лет. Незадолго до смерти она рассказала Лене, что где-то в далеком городе Ленинграде у нее есть мать и сестра. Лена, конечно, тут же побежала расспрашивать отца и получила резкую отповедь. «Мы с тобой вдвоем, – ответил отец, – и не будем больше возвращаться к этому предмету». Лена подчинилась; она всегда делала все, как он скажет, кроме одного случая.

Отец читал лекции в Политехническом институте, в их городе он был единственным техническим вузом. Говорили, что преподаватель он был неплохой, но уж очень строгий – студентов притеснял неустанно. Характер у отца был тяжелый, это уж Лена знала достаточно хорошо. После смерти бабушки прошел год, в школе набирали кружок хореографии, Лену взяли охотно – у нее были прекрасные природные данные. Танцевать ей всегда хотелось, но дома отец никогда не поощрял «бабского кривлянья», как он называл ее танцы. В кружке никто не называл танцы кривляньем, было очень интересно. Скандал разразился, когда Лене было

двенадцать лет и педагог из кружка повела ее на конкурс в балетное училище. Лену приняли, но отец воспринял все в штыки.

«Чтобы делать профессией дрыганье ногами? – кричал он. – Ведь Плисецкой ты все равно не станешь!»

В первый и последний раз в жизни Лена настояла на своем, один Бог знает, чего ей это стоило. Но выхода не было, она просто не могла жить без балета.

Все шло прекрасно, она закончила балетное училище, ее взяли в их местный театр и даже со временем стали поручать роли второго плана и обещали послать на конкурс в Москву. А потом велели разучивать партии примы – так, на всякий случай, как говорил главный... Лена вышла замуж, отец смирился с балетом и даже изредка ходил в театр.

Но однажды на репетиции она упала неудачно и сломала ногу. Мало было перелома кости, так еще порвались связки. «Терпение, – говорили врачи, – ты молодая, все заживет, имей мужество». Мужества Лена имела предостаточно, терпения тоже. И еще всепоглощающее желание танцевать.

Нога зажила неправильно, кость снова сломали, поставили спицы и наложили гипс. Опять месяцы ожидания, и снова все неправильно срослось. А дальше началась бесконечная череда операций, муж отпал где-то между третьей и четвертой, Лена как-то и не заметила его ухода. В конце концов врачи отступились. Можно было бы попробовать ехать в Москву, но операция там стоила безумных денег, которых не было.

Два года больниц и операций не прошли даром. Лена очень подурнела, стала нервной и раздражительной.

«Если бы ты в свое время послушалась меня, – твердил отец, – и пошла в нормальный вуз, то ничего бы этого не было. Ты вообще не сломала бы ногу, а даже если бы и сломала, это не помешало бы тебе остаться полноценным человеком».

Отец ее любил, это верно. Беспокоился за нее, но утешать и поддерживать дочь в трудную минуту он никогда не умел.

После лечения Лена не хромала, и боли в ноге прошли, но диагноз врачей был таков: танцевать она не сможет никогда.

Кому нужна балерина, которая не может танцевать? Кто возьмет ее на работу, если кроме танцев она ничего не умеет? Вести кружок хореографии при жилконторе? На это не проживешь.

У Лены началась депрессия, они сильно ссорились с отцом, а потом он слег в больницу и умер через месяц.

Дней через десять после похорон, разбирая бумаги отца, Лена нашла какую-то справку, не то бумаги о разводе, не то что-то по поводу ее, Лены. Там был адрес и имя – Синицына Алла Борисовна, и Лена поняла, что это ее мать. Она подумала и послала письмо наугад по старому адресу, не представляя себе, жива ли мать вообще и помнит ли отца и ее, Лену.

Через неделю она забыла о письме, потому что накатило одиночество. Было ужасно просыпаться одной в пустой квартире, вставать, зачем-то тащиться на кухню, не потому что хочется завтракать, а чтобы занять себя чем-то. Лена очень похудела, хотя и раньше была худенькая, и три года без танцев веса ей не прибавили.

После отца осталось немного денег, хватило на похороны, поминки и еще на два месяца скромной жизни. Вопрос о том, что делать дальше, уже не маячил где-то вдалеке, а стоял на пороге. Лена вяло подумывала о самоубийстве – это решило бы все проблемы. И в это время в ее жизнь незаметно вошла Раиса. Жила она на их лестничной площадке в двухкомнатной квартире с полупарализованной матерью и двумя мальчишками-близнецами десяти лет. Занималась мелкой торговлей на рынке или ездила в Польшу и на Украину за вещами и продуктами. Кормила и содержала семью одна – про отца мальчишек не было ни слуху ни духу. Она зачастила к Лене вечером на огонек, приносила то банку кофе, то бутылочку сладкого вина.

Понемногу одна комната в Лениной квартире оказалась полностью забита свертками и коробками, а Лена начала потихоньку Раисе помогать. Бизнес у Раисы был семейным – неказистые «Жигули», необходимые для работы, водил Паша, ее брат. Лена помнила его смутно, потому что в последние три года он куда-то исчез, а теперь вдруг объявился. Паша ходил в тельняшке с отрезанными рукавами, чтобы все видели его мощные бицепсы с наколками. К Лене он относился покровительственно, часто похлопывал по плечу, один раз ущипнул. Демонстративно Лена от него не шарахалась – все же не девочка, двадцать девять лет, замужем была, но Паша был ей неприятен. Неприязнь усилилась после того, как соседка с первого этажа, вездесущая тетя Валя, рассказала ей, что Пашка отсутствовал три года, потому что сидел за хулиганство, и кличка у него там, в лагере, была Паша Яйцеглист.

Выбора не было, нужно зарабатывать на жизнь, и Лена понемногу втягивалась. Съездили на машине в Польшу, привезли кое-что из шмоток. После приезда устроили у Лены сабантуй, чтобы отметить, как выразилась Раиса, ее боевое крещение. Были они трое, Райкин хахаль – смирный, малопьющий Дима – и подруга с мужем. Так получилось, что Лена много пила и мало ела, пробовала курить, потому что вся компания усиленно дымила и она чувствовала себя белой вороной. Больше она ничего не помнит, а утром, проснувшись, она увидела рядом с собой голого волосатого Пашу, который к тому же еще ужасно храпел. В квартире был жуткий свинарник – на неубранном столе кисли недоеденные салаты и винегреты, тошнотворно пахло сигаретами и сивухой. Взглянув на все это и на голое Пашино пузо, Лена едва успела добежать до ванной. Ванна тоже была загажена – кому-то из гостей стало плохо еще вчера. Проведя в ванной сорок минут под душем, Лена вошла в комнату, вылила на Пашу кастрюлю воды и, когда он приподнялся на кровати, сунула в руки одежду.

– Убирайся из моей квартиры сию же минуту!

Паша быстро пришел в себя и в бешенство. Натянув все же штаны, он обложил Лену нецензурными словами и надавал оплеух, намереваясь раз и навсегда показать этой шалаве, кто тут мужчина и хозяин. Рука у него была тяжелая, но он не представлял, как Лена вынослива и насколько высока сила физического отвращения, которое вызывала у Лены его личность. Почувствовав на щеке кровь, Лена не испугалась, а пришла в неистовство. Она метнула в Пашу хрустальную миску с остатками салата. Паша увернулся, салатница попала в зеркало и разбила его на сто кусочков. Пока прибалдевший Паша стоял, закрывая лицо руками, ожидая продолжения, Лена успела выскочить в прихожую и открыть дверь на лестницу. Из своей квартиры выползла заспанная Раиса с размазанным макияжем и все порывалась схватить Лену за руку.

На стук и грохот явилась вездесущая тетя Валя и находчиво предложила вызвать милицию. При этом слове озверевший Паша мгновенно присмирел и дал Раисе себя увести. Попадать в милицию ему было никак нельзя – запросто уpekли бы снова на зону.

Когда все ушли, Лена без сил повалилась на стул – кровать, после того как в ней спал Паша, вызывала у нее отвращение. До вечера она потихоньку приводила квартиру в порядок. Звонила Раиса – Лена ее не впустила. Она просидела до утра в папиной комнате, тупо глядя в одну точку.

На следующий день Раиса все же прорвалась. Она успокоила Лену, заболтала ее бесконечными разговорами. Паша приходил извиняться. Лена смотрела на его наколки и представляла, как он хватал ее этими липкими пальцами. Тем не менее они все трое помирились. И все пошло по-прежнему – работа есть работа. Ночами Лена как-то отстраненно думала, что очередное появление Паши в ее постели только вопрос времени.

И однажды пришло письмо из далекого Санкт-Петербурга от сестры. Так и было подписано «Твоя сестра Ольга». Лена все время перечитывала эти слова.

Ольга писала, что очень рада была получить от нее письмо, что мать их жива, но не совсем здорова, а она, Ольга, замужем, детей нет. Она расспрашивала Лену о семье и о занятиях, очень

просила поскорее ответить. «В конце концов, – писала Ольга, – какое нам дело до того, как они расстались, мы с тобой родные сестры и ни в чем друг перед другом не виноваты».

И Лена написала сестре обо всем. О балете и о сломанной ноге, о страшном одиночестве после смерти отца и о тоске. Не написала только о том, что нет денег, и про мысли о самоубийстве. Ответ на это письмо пришел очень быстро. «Приезжай, – писала Ольга, – приезжай хоть ненадолго погостить. А если понравится, можешь пожить подольше. Мать живет одна в трехкомнатной квартире. Человек она, конечно, со сложным характером, но будет рада тебя видеть». А она, Ольга, со своей стороны сделает все, чтобы скрасить Ленину жизнь, ведь они родные сестры.

Лена перечитала письмо раз, другой. Неужели это правда? Она поедет в большой город, и кончится тоскливое одиночество... Нет, так не бывает. Зачем сестре брать на себя такую обузу? Ведь Лена ни на что не годится. Мать живет одна, Ольга писала, что она не совсем здорова. Возможно, сестра хочет разделить с ней заботы о матери.

Но что ждет ее здесь? Тоска, Раисина торговля, Пашины наколки. Даже не надо травиться или выбрасываться из окна – Паша и так ее доконает. «Поеду, – решила Лена, – терять мне здесь нечего».

Денег хватило только на билет в одну сторону, и вот теперь она стояла у окна движущегося поезда, умирая от волнения. Ольга почему-то не смогла или не захотела встретить ее на вокзале, зато подробно описала, как доехать до квартиры их матери. Лена взяла достаточно легкую дорожную сумку, попрощалась с проводницей и зашагала по перрону – высокая, стройная, очень просто одетая женщина, выглядевшая со спины значительно моложе своих лет. Человек, заглянувший ей в лицо, заметил бы две новые морщинки около рта – след недавнего горя, усталое выражение в глазах и даже несколько преждевременных седых волосков.

Ольга с недоумением разглядывала стоящую в дверях девчонку в джинсах и такой же, как у нее, куртке.

– Здравствуй, – робко молвила та, и Ольга поняла, что видит перед собой сестру.

Лена улыбнулась и вошла в прихожую. И хоть вид у нее был какой-то неприкаянный, во всем облике было что-то неуловимо знакомое.

«Неужели и правда – голос крови?» – удивленно подумала Ольга.

Лена поставила сумку, сняла куртку и осталась в бледно-голубых джинсах и черной рубашке с короткими рукавами. Талия, затянутая поясом, была тоненькая – ладонью обхватить. И сама сестра была худая, вся какая-то воздушная.

«Ах да, балерина», – с неудовольствием вспомнила Ольга.

Сама она в свои тридцать шесть была достаточно стройна, но бюст имела, и вообще фигура у нее была хорошая. В юности она занималась гимнастикой, но на диете никогда не сидела, могла есть что угодно – хоть полторта на ночь, хоть макароны, никогда нигде не откладывалось ничего лишнего. Ольга взяла Лену за руку, улыбнулась как можно приветливее, шепнула: «Ни на что не обращай внимания» – и ввела в комнату.

Нестарая женщина в черном шелковом платье и бледно-голубом платке, повязанном чалмой, при виде Лены сделала было движение подняться с дивана, но вскрикнула, прижала руки к груди и обессиленно упала обратно на диван.

– Девочка, девочка моя любимая! – сквозь слезы проговорила она.

– Здравствуй, мама, – тихо ответила Лена.

– Но почему, почему такой холодный тон! – Голос у Лениной матери был звучный и приятный, если бы не было в нем этакой театральной фальши.

Лена отвела глаза и случайно посмотрела в зеркало, висевшее напротив. Она успела заметить, как старшая сестра нахмурилась в привычном раздражении. Встретившись с Леной взгля-

дом в зеркале, Ольга усмехнулась и подняла глаза к потолку. Лена сделала шаг ближе и засмеялась:

– Смотри!

В зеркале отражались две молодые женщины, совершенно по-разному одетые и причесанные. У Лены на лице почти не было косметики – она привыкла в театре пользоваться гримом и в жизни давала лицу отдохнуть. Ольга же, напротив, косметикой если и не злоупотребляла, то пользовалась ею достаточно умело. Несмотря на это, скромно, почти бедно одетая девушка из провинции и крутая жена крупного чиновника были похожи. Ольга наклонила голову, внимательно присматриваясь, потом они одновременно подняли руки к волосам – Лена с намерением распустить длинные волосы, забранные в гладкую прическу, а Ольга – напротив, чтобы забрать пышные волосы гладко. Жесты были настолько одинаковы, что обе замерли, всматриваясь в зеркало.

– Чудеса! – Ольга вертела головой. – Прямо как близнецы в «Королевстве кривых зеркал».

– Ничего удивительного, – раздался спокойный голос с дивана, – вы обе – мои дочери и похожи на меня.

Лене всегда говорили, что она похожа на отца. Ольга же поняла, что все рассказы матери о другом человеке, которого она любила и который якобы мог быть отцом Ольги, – сплошное вранье, или, если выразиться помягче, фантазии.

«Какого черта им не жилось вместе, – в первый раз в жизни подумала Ольга, – были бы мы нормальной семьей, с сестрой дружили».

Теперь же она не испытывала к сестре родственных чувств, вообще никаких – как можно питать чувства к химере? Не было никакой сестры тридцать лет, так откуда взяться теплоте чувству к посторонней женщине, которую видишь, считаешь, впервые?

Она вызвала Лену в Петербург с совершенно определенной целью – повесить на нее полусумасшедшую мать. Правда, психиатр, которого Ольга с большой секретностью приглашала к матери, после трехчасовой беседы дал обтекаемый ответ, что никаких таких особенных отклонений он в психике Аллы Борисовны не заметил, но Ольга твердо была убеждена, что мать понемногу сходит с катушек. Начать с того, что год назад мать категорически отказалась выходить из дома.

– Не хочу, и все! – заявила она.

Немногочисленных приятельниц она отвадила еще раньше, зато звонила бесконечно Ольге в любое время дня и ночи. Муж предлагал сиделку, самый лучший санаторий, закрытую частную клинику – все было напрасно. Матери нужно было только третировать Ольгу. Она воспитывала дочь одна, твердила она зятю, и теперь, в старости, имеет право на маленькую частичку тепла и дочерней благодарности.

Поэтому Ленино письмо Ольга восприняла как дар свыше. «За то, чтобы вырваться из провинции, за тряпки и жизнь в большом городе нищая сестричка будет безропотно терпеть все материны выкрутасы, – думала Ольга. – И мать пусть только попробует возразить против ее присутствия – та тоже родная ее дочь, приехала позаботиться о больной матери – крыть нечем!»

Но сейчас, глядя в зеркало на них с сестрой, Ольга поняла, что ей подвалила удача. Сестра сделает все, что она захочет, и жизнь Ольги может существенно измениться к лучшему, если попробовать выдать ее за себя. А что, грим, прическа. Откормить немного, чтобы кости не выпирали. Проклятый Аскольд будет охранять Лену, считая, что она Ольга, а она тем временем сможет себе позволить немного расслабиться в обществе Игоря, потому что добропорядочная жизнь с вице-губернатором Шуваловым сводила ее с ума.

Надежда проснулась от стука в окно.

– Надежда, так ты еще спишь, что ли? – бодро взывала соседка по даче Нина Михайловна, а ее эрдель Персик басовито лаял, заглушая слова.

Надежда отворила окно.

– А сколько времени? Уже пора?

– Давно пора, восьмой час уже. Пока дойдем, туда-сюда, потом от жары спаримся.

– Сейчас соберусь, – сказала Надежда, подавляя зевок, – заходите, Нина Михайловна.

– Спасибо, я тут с Персиком погуляю. Баба Маня сейчас подойдет. У тебя кот где?

– Тут вот спит. В четыре утра явился.

– А то смотри, как бы чего не вышло.

Персик был известен в деревне как лютый ненавистник кошек. Вреда большого он им по причине своей бестолковости не причинял, но гонял страшно, с топотом и лаем на всю деревню. Надежда оглянулась на своего рыжего кота Бейсика. Тот шипел, пушил хвост, вздыбливал шерсть на спине, но не делал никаких попыток выскочить в окно и показать этому негодяю эрделю, где раки зимуют.

– То-то же, сиди уж дома и не связывайся.

Надежда выпила стакан молока с булкой. Надела мужнины старые тренировочные штаны, клетчатую рубашку с длинными рукавами, сапоги, голову повязала платком, велела Бейсику быть за хозяина и вышла. Соседки махали ей из-за забора – скорее, мол.

Еще с вечера неугомонная Нина Михайловна сговорила всех идти за малиной. Собирались человек пять, но кто-то проспал или передумал, и в результате их оказалось трое, не считая собаки. Местная деревенская бабушка Маня была приглашена как проводник, чтобы показала дорогу в дальний хороший малинник.

– Долго идти, баба Маня?

– Да не очень, с часок всего идти быстрым шагом.

И действительно, после этих слов баба Маня так припустила, что Надежда с Ниной Михайловной отбросили посторонние разговоры и сосредоточились на ходьбе.

Чтобы прогнать остатки сна, Надежда думала о своей жизни в деревне. В это лето выдался особенно жаркий и засушливый август. А Надеждиной матери, которая жила себе спокойно каждое лето на даче, неожиданно как пенсионерке и блокаднице предложили бесплатную путевку в санаторий. Мать ехать наотрез отказалась, потому что огурцы засохнут. Огурцы в это лето припозднились, а в августе поперли как бешеные, только поливай. Однако матери давно надо было подлечиться и отдохнуть от огорода, поэтому Надежда скрепя сердце согласилась посидеть две недели на даче, чтобы собирать огурцы и закатывать их в банки. Кроме этого, оставались еще кабачки, тыквы и картошка, все ягоды мать успела собрать и сварить варенье.

Хуже всего было то, что Надеждин муж Сан Саныч не только не выразил неудовольствия по поводу ее двухнедельного отсутствия, но даже вроде бы обрадовался. Надежда немного забеспокоилась по этому поводу, потому что хотя и поженились они с Сан Санычем всего шесть лет назад, и был это у обоих второй брак, и лет Сан Санычу было ни много ни мало, а пятьдесят три, но чем черт не шутит? Работал ее муж в последнее время в вузе, а там студентки, аспирантки – кругом соблазн. Надежда сначала расспрашивала мужа дипломатично, а потом, потеряв терпение, просто прижала его к стенке. Муж очень обиделся и признался, что они с приятелем нашли кое-какую халтуру, как раз на две недели, и что если все будет хорошо и там заплатят как обещали, то они с Надеждой осенью смогли бы куда-нибудь поехать на недельку-другую. Он хотел сделать жене сюрприз, а она выпросила все раньше времени, и теперь сюрприза никакого не получится.

Надежда умилилась, расцеловала своего заботливого мужа и сказала, что никуда не поедет. Пусть эти огурцы горят синим огнем, а она должна жить в городе и создавать мужу условия для работы. А то как же получается? Он будет работать по двенадцать часов в сутки, а

дома и обедом накормить некому, в то время как она, Надежда, будет дармоедствовать на даче и поливать огурцы, да провались они совсем.

Сан Саныч тяжело вздохнул, потом подумал и позвонил по телефону. Вечером к ним явился старинный мужнин приятель Паша Соколов и принес Надежде маленький компьютер-ноутбук и толстенный франко-русский словарь.

– Вот, Надежда, тебе работа на две недели. Пока на даче будешь жить. Берешь словарь и вводишь в компьютер.

– Да зачем это, Паша?

– За деньги. Правда, небольшие, но все же. И чтоб тебе на даче жизнь раем не казалась.

– Да кому это нужно? Ведь есть же словари компьютерные.

– Ох, Надежда, ну и настырная ты! Это какой словарь? Специальный, геолого-почвенный, таких давно не издавали. А работа нужна для одного француза. Он кучу всяких словарей в компьютер заведет, не сам, конечно, а с нашей помощью. И потом будет из них один общий составлять, у него на такой словарь заказ.

– А что же он там не может для такого дела людей найти? – начала было Надежда, но муж с приятелем посмотрели на нее с такой укоризной, что она прикусила язык.

– Вот, сообразила наконец. Да с ним там за такие деньги, что он за работу предлагает, и разговаривать-то не станут, да еще в суд могут подать за оскорбление личности. А у нас народ любым деньгам рад. Так что бери словарь и дуй на дачу. Твое все с буквы «р» начинается и дальше. С ноутбуком-то умеешь обращаться?

– Уж как-нибудь, – обиделась Надежда, – ничем он от обычного компьютера не отличается. Только вот во французском-то я ни бельмеса не соображаю.

– Ох! Горе мне с тобой! – вздохнул Паша. – Вот, смотри. Переключаешь на латинский регистр и аккуратненько, по буквам набираешь французское слово, а уж потом все по-русски. В конверте инструкции по шрифтам и остальное. Иди, Надежда, ты женщина толковая, сама разберешься.

В институте, где работала Надежда, дела шли ни шатко ни валко, там не стали возражать, когда она оформила две недели за свой счет. И теперь вечерами она работает на компьютере, а днем переживает, как бы его не сперли. Деревня есть деревня – залезут в дом и уведут чужой компьютер, а он тысячу долларов стоит. Правда, Надежда, уходя, прячет компьютер в такое место, где никто не догадается искать, но все равно беспокойно.

За мыслями Надежда не заметила, как они прошли деревней, потом полем и уже приближались к лесу. На краю леса было небольшое болотце, Надеждины бабули пошли в обход по тропинке, а она рискнула срезать напрямик по проложенным бревнышкам, потому что жара стояла давно и болотце порядочно подсохло. Посреди болотца и находилось то, из-за чего Надежда полезла в грязь, а не пошла, как все, по тропинке. Тут жила колония замечательных ярко-зеленых лягушек. Когда Надежда увидела их впервые, она не поверила своим глазам, так они были хороши. Тихонько ступая, Надежда пошла по мосточкам. Одно бревно было чуть в стороне – и вот они сидят, зеленые с черными полосками на спинках и греются на утреннем мягком солнышке.

«У них тут пляж!» – сообразила Надежда.

Она стала считать лягушек, получилось девятнадцать штук. Топот и треск сучьев возвестили приближение Персика. Он вырвался откуда-то сбоку, подняв тучи брызг. Лягушки мгновенно попрыгали в воду.

– Теперь у них массово-оздоровительный заплыв. Вечно ты, Персик, все испортишь. Пойдем уж скорей отсюда.

Надежда в который раз дала себе слово вернуться сюда с фотоаппаратом, запечатлеть самую большую и красивую лягушку, а потом повесить цветную фотографию у себя на рабочем

месте, чтобы любоваться унылыми зимними днями, затем подхватила Персика за ошейник и вытащила его на сушу. Старушки уже ждали их на том берегу.

– Теперь немного лесом. Потом «с седьмое поле» пройдем, тут и малинник будет.

Дорожка была ровная и сухая, они бодро поспешили дальше. Эрдель носился вокруг по лесу большими кругами. Дошли до большой поляны, которую местные называли «с седьмое поле», и обогнули ее с левого края. Персик куда-то пропал, но вдруг раздался его громкий лай с жуткими взвизгиваниями и подвываниями. Нина Михайловна, безошибочно определив по интонации собственной собаки, что случилось нечто из ряда вон выходящее, рванулась на зов, Надежда – за ней.

Персик стоял на маленькой солнечной полянке и оглушительно лаял на что-то лежащее в густой траве. Подбежав ближе, Надежда заметила ногу в резиновом сапоге.

– Там человек! Персикаль, ко мне! – крикнула Нина Михайловна, но Персик ее зов проигнорировал, а потом отбежал в сторону, все так же лая.

– Мертвый! Страшно-то как! Уходим скорее.

– Посмотреть надо, может, просто плохо стало. – Надежде почудился с той стороны стон, но жуткий лай не умолкал.

– Чур ты, скотина! – подоспевшая баба Маня замахнулась на Персика палкой.

От неожиданности он сел на задние лапы и замолчал. В наступившей тишине Надежда медленно подошла к лежащему в траве человеку. Взглянув на его лицо, она поняла, что помочь ему уже ничем нельзя. Человек, мужчина, был явно и безнадежно мертв. Он лежал на зеленой траве, раскинув в стороны руки и ноги, остекленевшие, вылезшие из орбит глаза его смотрели в небо. Было невозможно определить, сколько мертвецу лет и как он выглядел при жизни, потому что лицо его было ужасно. Оно все было сине-багровым, глаза, налитые кровью, вылезли из орбит, рот был открыт и оттуда торчал черный язык. Подошли старушки. Увидев лицо трупа, баба Маня начала часто креститься, а Нина Михайловна с визгом принялась ловить своего эрделя. Надежде один раз приходилось видеть удушенного человека, и теперь она не сомневалась, что этот мужчина умер от удушения. Она сорвала листок подорожника и осторожно отогнула воротничок джинсовой рубашки. Так и есть: в шею мертвеца врезался туго натянутый кожаный ремешок.

– Вот тебе и раз! Насильственная смерть, милицию вызывать надо.

– Надежда, пойдем уж, что ты там сидишь.

– Сейчас я вас догоню.

Оставшись одна, Надежда сняла головной платок и прикрыла лицо мертвого мужчины, напоследок оглядев его, стараясь не останавливаться на лице.

Мужчина был одет в джинсы и такую же темно-синюю рубашку. На ногах были короткие резиновые сапожки. Никакого головного убора при нем не было, зато неподалеку валялась пустая грибная корзинка. Судя по всему, человек был грибником, но именно это Надежду и насторожило.

До их деревни можно было добраться из города двумя способами. Можно было доехать электричкой до конечной станции Оредеж, а потом автобусом до их деревни Лисино, а можно было выйти из поезда, не доезжая двух станций до конечной, а потом идти напрямик лесом до деревни Лисино километров семь. В грибное время некоторые люди так и делали, но только не в это лето, потому что август был жаркий и грибов не было. Кроме всего, мертвый человек был по виду городской и явно незнакомый. Просто грибники в такую даль не поедут, в их лес ходили только свои, а свои-то знают, что грибов сейчас нет.

Надежда еще раз осмотрелась. Трава вокруг мертвого была сильно вытоптана, причем еще до их прихода. Похоже, что жертва пыталась бороться со своими убийцами. Мужчина по виду крепкий, так просто не сдался. Один сапог почти слетел с ноги человека, очевидно, Персик его трепал. Надежда заметила в сапоге что-то белое, клочок бумаги, машинально схватила

его и сунула в карман. Старушки ждали ее на лесной дороге. Увидев ее, Персик рванулся не направо, к дому, а влево.

«Так он шел, через лес. От станции», – сообразила Надежда.

Персик набирал ход, Нина Михайловна не смогла его удержать и выпустила из рук поводок.

– Надя, помоги! Он что-то чувствует!

Надежда, ругая эту глупую собаку на чем свет стоит, бежала следом. Персик юркнул в лес, Надежда – за ним, и когда она прорвалась сквозь кусты и остановилась перевести дух, то увидела, что Персик самозабвенно роет лапами под деревом. Надежда подкралась и схватила собаку за ошейник как раз в то самое время, когда Персик выкопал маленькую квадратную пластинку. Надежда разжала ему зубы и выхватила неповрежденную вещь, чем очень обидела Персика. Он было возмущенно рявкнул, но Надежда, разозлившись, хлестнула его поводком и вполголоса, чтобы не услышала Нина Михайловна, обругала пса остолопом и непослушным придурком. Потом она наскоро очистила пластинку от земли, та оказалась запаянная в толстый полиэтилен, спрятала ее в карман и дернула Персика за ошейник.

– Надоело с тобой возиться, быстро домой!

Персик был вынужден подчиниться грубой силе. Женщины торопливо шли молча, только уже в поле на подходе к деревне Надежда не выдержала:

– Ничего себе, сходили за малинкой!

– Да уж, на всю жизнь запомню, – согласилась Нина Михайловна.

Баба Маня промолчала, только еще прибавила шагу. В деревне был телефон только у местного дяди Паши. Тот когда-то работал по связи, за это ему поставили телефон и не отобрали, когда дядя Паша вышел на пенсию. Надежда скорым шагом пролетела к дяди-Пашиному дому и забарабанила в дверь, а старушки в это время умудрились взбудоражить всю деревню.

– Чего надо? – открыл дверь заспанный дядя Паша.

– Ой, Пал Алексеич, звоните скорее в милицию, там в лесу человек мертвый лежит!

Дядя Паша с недоверием покосился на запыхавшуюся бабу Маню, выглядывающую из-за забора. Та замахала рукой – звони, мол, Павел, не тяни, все правда. Дядя Паша побежал звонить в Оредеж, слышно было, как он разговаривал с дежурным:

– Аллю, Васильич? Это из Лисина беспокоят. Тут у нас тетки пошли с утра за малиной и наткнулись в лесу на мертвого. А я что, знаю, кто такой? Говорят, незнакомый грибник какой-то.

Дядя Паша поманил Надежду из окна:

– Тебя требуют.

– Аллю! – взяла трубку Надежда.

– Что, правда покойник? – ехидно поинтересовались на том конце. – Вам там со страху не померещилось?

– Не померещилось, точно покойник, я уж мертвого от живого отличу.

– Откуда такая уверенность, ты что, врач, что ли?

Надежде уже надоел этот пустой разговор, и она рявкнула в сердцах:

– Приезжай, сам увидишь!

Тот из милиции сменил тон на более деловой:

– Далеко в лесу он лежит?

– Далеко, за «седьмым полем».

– Машина пройдет там?

– От нашей деревни не пройдет, там болото, придется вам в обход, от станции.

– Ладно, ждите у себя. Подъедем.

У дома дяди Паши собралась толпа деревенских жителей. Нина Михайловна в который раз пересказывала всю ужасную историю, призывая в свидетели Персика. Надежда прошла к своему дому, умылась, хотела было переодеться, но вспомнила, что сейчас приедет милиция и надо будет опять ехать в лес. Критически оглядев свою одежду, она все же решила сменить старые тренировочные штаны на джинсы и на этом остановиться – не в гости милиция приедет! В кармане рубашки что-то мешало, Надежда вытащила ту штуку, что нашел в лесу Персик. Маленькая плоская вещица, запаянная в толстый полиэтилен. Там, в лесу, Надежда от страха не сообразила, а теперь разглядела, что это компьютерная дискета. Она схватила было ножницы, чтобы разрезать полиэтилен, но вовремя опомнилась, ведь это же вещественное доказательство. Ведь ежу понятно, что дискету спрятал убитый человек, когда убегал от своих преследователей. Кстати, а почему она решила, что преследователей было несколько? Надежда с уверенностью не могла ответить на этот вопрос, просто ей казалось, что слишком сильно была вытоптана трава на поляне, там явно боролись. А убитый был крепкий нестарый мужчина и сумел бы справиться с одним противником, если, конечно, тот не был бы крутым профессионалом.

«Откуда в нашей деревне профессионалы? – усмехнулась Надежда. – Но так или иначе, дискету нужно отдать милиции. Еще и оправдываться придется – где нашла да зачем взяла? Но отдам только начальству, а то эти небось и компьютера-то в глаза не видели!»

– Надежда, скорее, милиция приехала! – кричала Нина Михайловна под окном.

– Иду уж, иду! – Надежда пыталась запихнуть дискету в карман джинсов, но это ей не удавалось, потому что джинсы, мягко говоря, слишком облегали фигуру.

«Не может быть, чтобы я так растолстела, наверное, они сели!» – в панике подумала Надежда, запихнула-таки дискету, но ходить было невозможно – дискета врезалась в бок.

Раздались автомобильный гудок и сердитые мужские голоса.

– Чтоб вы все пропали с вашим покойником! – в сердцах выругалась Надежда, сунула дискету под подушку и вылетела за дверь.

Милицейский «газик» стоял у дома дяди Паши. Благодаря телефону дяди-Пашин дом считался в деревне оплотом цивилизации. Вторым культурным местом была автобусная остановка.

Деревня Лисино довольно старая, до войны была большим селом, около ста дворов. И церковь была на холме над рекой. Деревню немцы в войну полностью сожгли, а церковь разрушили. Осталось народу немного: кто погиб, кто не захотел строиться на пепелище. Многие перебрались в Оредеж, там легче работу найти на железной дороге. И к тому времени как двенадцать лет назад Надежда с матерью купили тут дом, в Лисине осталось дворов пятнадцать, которые были разбросаны друг от друга на большом расстоянии.

Когда Надежда подбежала к милицейской машине, там стояли четверо. Шофер, молодой парень, хмуро рассматривал скаты. В машине сидел мужчина скромного вида и неопределенного возраста – видно, врач. Еще один, постарше, беседовал с деревенскими. Надежда подошла, поздоровалась и по его ответу поняла, что это с ним она препиралась по телефону.

– А кого мы ждем?

– Начальство по телефону разговаривает.

Из открытого окна дяди-Пашиного дома доносился зычный командный бас.

– А чего он так орет-то? – шепотом спросила Надежда у дяди Паши, которого выгнали из собственного дома, так как переговоры должны были проходить в обстановке строжайшей секретности.

– А он с Лугой разговаривает.

«А что, по телефону никак нельзя?» – мысленно вспомнила Надежда известный анекдот. Немолодой милиционер подошел к ней с блокнотом.

– Вы кто будете? Назовите ваше ФИО. – Он так и сказал – ФИО.

– Лебедева Надежда Николаевна.

– А документы у вас есть?

– Нет, – растерялась Надежда, – кто же с собой в деревню документы берет?

– Вот соседка ваша, – он указал на Нину Михайловну, – предъявила пенсионное удостоверение.

– Нет у меня удостоверения, не заработала еще!

– Ладно, капитан разберется.

На крыльцо вышел капитан. На вид ему было около сорока, но он обрюзг раньше времени, и на голове явственно просматривалась плешь. Лицо полыхало румянцем не то от жары, не то от злости. Пуговицы форменной рубашки были расстегнуты, и видно было потное волосатое пузо.

«Ну и мордень!» Надежду слегка передернуло.

– Где эта корова копается? – заорал капитан на пожилого. – Не можешь за шкуру ее привести?

«Корова – это, надо полагать, я», – сообразила Надежда, но вслух не сказала ни слова.

– Вот она, Лебедева Надежда Николаевна, дачница, – скороговоркой ответил пожилой, но капитан и ухом не повел, только окинул Надежду с ног до головы злобным взглядом.

«И чего он бесится?» – недоумевала Надежда.

– Ну вот что, – прорычал капитан, – мы на машине в обход, старуху местную с нами, дорогу покажет, а ты, Васильич, бери эту, – он, не глядя, ткнул пальцем в Надежду, – и дуй отсюда, пусть покажет, как шли, куда свернули, что видели.

– До леса хоть подбросьте! – попросил Васильич без особой надежды на успех.

– Некогда, ничего, дойдете, не рассыплетесь! – Пробегая мимо, капитан обдал Надежду запахом перегара и чеснока.

«Интересно, это он со вчера такой или уже успел с утра приложиться? – размышляла Надежда, глядя, как капитан с бабой Маней садятся в «газик». – Пожалуй, со вчера, оттого и злобность повышенная. Ну и хамло!»

Они с Васильичем побрели по дороге к лесу. Любопытствующие хотели было их сопроводить, но Васильич запретил. Время шло к одиннадцати. Солнце припекало, Надежда шла молча и злилась. Третий раз она тащится пешком по такому пеклу, а ведь еще придется идти обратно, и будет еще жарче. А все из-за дурака Персика. Если бы он не нашел покойника, они бы прошли себе мимо, набрали малины и сейчас уже возвращались бы домой, а потом можно было бы пойти купаться. При мысли о прохладной речке, которая течет там, у деревни, а Надежда здесь, в жарком поле, у нее окончательно испортилось настроение. Васильич догнал ее, пошел рядом и спросил, чтобы начать разговор:

– Давно тут живете?

– Двенадцатый год, как дом купили, – нехотя ответила Надежда.

– Часто в лес ходите?

– В этом году первый раз черт попутал! – не сдержалась Надежда. – Что там делать? Грибов нет, так соседкам приспичило за малиной. Вот, согласилась на свою голову.

Они прошли поле и остановились у болотца.

– В обход шли или напрямик?

– В обход, – без колебаний ответила Надежда – ей не хотелось тревожить зеленых лягушек понапрасну.

– После болота сразу за «седьмым полем» он и лежит.

Вот знакомое место, тут Персик рванулся в лес с лаем, тут они с Ниной Михайловной перебрались через канаву. На дороге никого не было – милицмейская машина задерживалась.

– Ну что, Васильич, на место-то пойдём?

Васильич посмотрел на пустую дорогу и согласился. Покойник лежал на полянке, никуда не делся. И хоть лицо его оставалось прикрыто Надеждиным платком, мухи уже кружились над поляной вовсю. Васильич походил вокруг. Посмотрел.

– Да уж, точно покойник. И как вас угораздило?

– Да это все собака!

Увидев опять вблизи мертвого человека, Надежда усовестилась. Она решила выбросить из головы всякие обывательские мысли типа «Какое мое дело!» да «Пусть милиция разбирается, им за это деньги платят!» и как всякий честный гражданин помочь милиции найти убийцу. Дискета лежала дома под подушкой и призывала Надежду выполнить свой долг.

– А что, Васильич, какое у вас в Оредеже главное милицееское начальство?

– Вот капитан Свирбенко и есть самое главное начальство.

– А над ним что – никого нету?

– А вы думали, что у нас в Оредеже генерал отделением командует? – съехидничал Васильич. – Над ним только в Луге районное начальство есть. А вам зачем?

– Да так, спросила просто.

На дороге зашумела машина, и на полянку выбрались капитан Свирбенко и врач, предводительствуемые бабой Маней. Увидев Надежду в непосредственной близости от покойника, капитан заорал на Васильича:

– Сидоров, так твою и разэтак, почему посторонние у трупа?

– Она ж свидетель, – заикнулся было Васильич, но капитан не дал ему и слова сказать:

– Какого дьявола тут ошиваетесь? Свидетели эти натоптали как стадо слонов!

Надежда хотела было сказать, что трава была так сильно вытоптана еще до их прихода, но, взглянув в разъяренное лицо капитана, решила промолчать. Они с бабой Маней отошли в сторонку и стали молча наблюдать. Врач возился с трупом, Васильич ходил по поляне, разглядывая кустики, потом выбрался на дорогу, а оттуда, от машины, явился молодой парень, шофер, и стал фотографировать покойника в разных ракурсах. Как с удовлетворением отметила про себя Надежда, криминалистика в поселке Оредеж не была забыта. Один капитан остался как бы не у дел. Врач вежливо попросил его отойти, и капитан от нечего делать прицепился к свидетелям:

– Ну что, тетки, перетрусили небось, как жмурика встретили? В штаны не наложили?

Вопрос был явно риторический, и Надежда с бабой Маней ничего не ответили.

– Вот что, тетехи, – продолжал капитан, не смущаясь, – сейчас дуйте домой и чтобы в лес больше ни ногой. Завтра Васильич заедет протокол подписать.

– Пойдем уж. – Баба Маня потянула Надежду за рукав.

– Товарищ капитан, – обратилась Надежда к капитанскому затылку.

– Что? – заорал капитан, оборачиваясь. – Еще здесь? А ну живо отсюда, и чтоб я тебя долго искал!

«Все! – подумала Надежда, стиснув зубы. – Вот теперь – все!»

У края поляны она оглянулась. Теперь Свирбенко орал на Васильича.

«Никогда, капитан, ты не станешь майором!» – вспомнились слова песни.

В поле у самой деревни прогуливалась Нина Михайловна с Персиком.

– Ну что там?

– А ничего, – ответила баба Маня и зло добавила: – Милиция, едрена вошь, своя, родная! Надежда была полностью с ней согласна.

В доме было тихо и прохладно. Надежда уже так устала, бегая по жаре, что дойти до речки не было сил, поэтому она умылась под умывальником и прилегла. Но сон не шел, перед глазами стояло ужасное лицо убитого мужчины. Со стоном повернувшись на бок, она сунула руку под подушку и вытащила дискету. Что с ней делать? Надежда опять вспомнила, как хамски вел себя с ней капитан Свирбенко, решительно встала с кровати, ножницами разрезала полиэтилен

и вставила дискету в компьютер. Однако на экране появилась надпись: «Файл не может быть открыт. Введите пароль».

– Так я и думала, – медленно проговорила Надежда.

Она выключила компьютер и спрятала дискету в коробочку с остальными, а компьютер не поленилась положить в такое место на чердаке, о котором даже мать не имела понятия.

«Никто не найдет, разве только дом по бревнышку разбирать будут».

Время близилось к обеду. Надо было перекусить и что-то делать по хозяйству, чтобы день не пропал даром. Готовить не хотелось. Можно было бы выпить молока, как утром, но Надежда отбросила эту мысль, сказав себе, что если она и дальше будет питаться молоком и булкой, то в следующий раз в джинсы вообще не влезет. Она вышла в огород за кабачком и там с огорчением обнаружила, что с утра из-за всей этой беготни забыла открыть теплицу, огурцы парились полдня хуже чем в тропиках и листья у них провисли как тряпочки.

«Вот как не задастся день с самого утра, тут уж ничего не поможет! Что бы такое поделать, чтобы отвлечься? Постирать, что ли, в тенечке под яблоней?»

Она налила в таз воды и понесла его в сад. Но по дороге споткнулась о дохлую мышь, которую кот Бейсик еще на рассвете принес и положил на видном месте на тропинке, чтобы хозяйка ненароком не прошла мимо. Мышей Бейсик не ел, такими глупостями он не занимался, но ловил их в поле исправно и выкладывал поближе к дому, чтобы все знали, какой он замечательный охотник. Наступив на мышь, Надежда инстинктивно шарахнулась в сторону, уронила таз, облив себе ноги, и так стукнулась головой о ветку старой яблони, что искры из глаз посыпались.

– Черт знает что! – вслух проговорила Надежда и вдруг заметила, что плачет.

Она как бы увидела себя со стороны. Серьезная немолодая женщина сидит на травке в собственном саду и заливается горячими слезами. Ей все надоело – и покойник, и хамский милиционер, и огурцы. Она хочет домой к мужу, а мерзкий кот, который разбрасывает везде дохлых мышей и кротов, пусть живет здесь один и питается лягушками.

«Нельзя сегодня ехать, – опомнилась Надежда, – завтра милиция приедет протокол подписывать, еще подумают, что я сбежала, искать будут».

Она взяла себя в руки, успокоилась и все же решила стирать. Перед тем как опустить в таз клетчатую рубашку, в которой она ходила в лес, Надежда по привычке проверила маленький нагрудный карман. Рубашка была мужнина. А эти мужчины вечно пихают в карманы нужное и забывают. Привычка проверять карманы перед стиркой появилась у Надежды два года назад, когда она вместе с рубашкой гостившего у нее зятя Бориса выстирала забытую им в кармане стодолларовую бумажку.

– Ну вы даете, Надежда Николаевна, – шумел Борька, – хорошо, что не в стиральной машине, а то бы не спасли!

– Деньги нормальные люди в бумажнике хранят, – отбивалась Надежда. – А если заначка от жены, то как следует надо прятать.

Услышав про заначку, вмешалась дочь, и Борька сразу притих.

Так и сейчас. В кармане что-то шуршало. Надежда мокрыми руками осторожно развернула клочок бумаги, там карандашом были нарисованы какие-то закорючки. Она вгляделась и вдруг вспомнила, что ведь это она сама положила бумажку в карман, когда нашла ее в сапоге убитого. Со всеми утренними событиями этот эпизод вылетел у нее из головы. Надежда осторожно, чтобы не замочить, отнесла бумажку в дом и положила на стол, потом вернулась к стирке.

Значит, убитый шел от станции через лес к их деревне. Если бы он хотел в соседнюю деревню Забелино, он бы свернул раньше. Примерно в километре от того места, где его нашли, на дороге есть развилка. В Забелино направо, а в Лисино – налево. Человек шел в Лисино. И никакой он не грибник, это было ясно Надежде, даже если бы Персик не нашел дискету. Кто

же в таком виде в лес за грибами ходит? Хорошие джинсы, рубашка, а голова не прикрыта. На то, что человек собрался за грибами, указывала только корзинка. И такая нарочитость очень не понравилась Надежде.

«И все же, кто его задушил? Неужели в наших краях завелись бандиты? Никогда ничего подобного не было. Залезают, конечно, осенью и зимой в дома, когда городских нет, мальчишки яблоки крадут, но чтобы убийство... Да еще не в пьяной драке, а так страшно».

Размышляя так, Надежда развесила белье, сорвала в теплице два огурца и помидор, вскипятила чайник и, немного поколебавшись, отрезала ломоть черного хлеба. Хрустя огурцом, она разгладила на столе бумажку. Да это же целый план!

Вот волнистая полоса обозначает конец леса, от нее идет пунктир, очевидно, это тропинка, потом пунктир сворачивает влево. Все правильно, поле кончилось, тропа пошла параллельно шоссе, вдоль которого расположена деревня. А это что за кружок? Камень, что ли? Нет у них в деревне больших камней. Надежда представила себе местность и поняла, что кружок – это огромный вяз у шоссе. Вяз был очень старый, и каждый год деревенские думали, что он засох, потому что уж очень долго он собирался распустить почки. Но все шло своим чередом, остальные деревья были уже с листьями, и даже зацвела черемуха, когда в одно прекрасное утро вяз весь покрывался листочками. Старики радовались долгожданному событию, и с этого момента в деревне официально считалось, что наступила весна. От вяза пунктир шел вправо и заканчивался возле четырех квадратиков. Больше никаких указаний на листочке не было.

«Четыре квадратика – это, естественно, четыре дома, – думала Надежда, прихлебывая чай, – там как раз четыре дома – два старых и два достаточно новых, лет пять назад построенных. И к кому из четырех хозяев он шел, интересно знать?»

Налив себе еще один стакан чаю, Надежда снова перебрала в мыслях события сегодняшнего дня. А может, не стоит ей влезать во все это? Но как же тогда записка и дискета? Нельзя же оставить все как есть.

Она представила, как завтра пойдет в милицию, как будет доказывать капитану Свирбенко, что она не воровка, что с дискетой все вышло случайно. Надежда явственно услышала все слова, что скажет ей злобный капитан, и поежилась. Нет, в милицию она ни за что не пойдет. Лучше самой попробовать вычислить, к кому же шел убитый мужчина, а там посмотрим.

Итак, что мы имеем? Сначала два новых дома. Один – огромный, кирпичный, построенный по индивидуальному проекту, с забавными башенками по бокам. Хозяева, или хозяин, приезжают с гостями только на выходные, не было случая, чтобы в будни там кто-то был. Это Надежде рассказывала мать – в деревне люди про всех знают. Если Надежда в деревне не потеряла счет времени, то сегодня четверг, поэтому вряд ли надо было кому-то тащиться сюда, чтобы увидеть хозяина дома, его легче застать в городе. Следующий дом рядом с этим – не дом, а баня. Когда семь лет назад в деревне давали участки, цены еще были не те, поэтому народ отважно собрался строиться, не зная, во что это выльется впоследствии. Так и хозяйка бани тетя Шура решила наскоро соорудить баньку-временку. А потом уж не спеша отстраивать дом, большой и красивый. Но судьба и инфляция распорядились иначе. Деньги кончились, и тетя Шура живет теперь в бане, люто завидуя соседям. И дискета, и посторонний мужчина из города ей без надобности. Остаются еще два дома. Один – старый деревенский дом, живут в нем чудные старички, пожилая пара. Сами они городские, но по полгода проводят в деревне. Люди очень приличные. Надеждина мать с ними дружит, они часто ходят друг к другу в гости чай пить. А последний дом стоит заколоченный, года четыре назад умер хозяин дед Коля, оставил все какой-то племяннице из города, та и глаз не кажет. Вот и все, тупик.

«Ну что ж, – резюмировала Надежда, – не в моих правилах останавливаться на полдороге. Придется ориентироваться по ситуации. Вечером, когда спадет жара, пойду в гости к Анне Ивановне и Сергею Петровичу, как раз шоколадные конфеты еще остались».

– Мурм-м! – послышалось снизу.

Это кот недвусмысленно давал понять, что огурцы на обед он есть не будет.

– Пошел вон! – заорала Надежда. – Из-за твоих мышей чуть сотрясение мозга не получила. – Она потрогала шишку на затылке.

Бейсик обиделся и ушел.

Часам к семи жара спала – все-таки ночи прохладные в августе. Надежда накрашила губы и надела новое платье. Платье подарила ей приятельница Алка. И выбрала его по своему вкусу – поярче. Алка вообще любила все разноцветное. Муж, увидев Надежду в новом платье, ничего не сказал, но слишком уж быстро отвернулся, поэтому Надежда решила на всякий случай в городе платье не носить, а привезла его на дачу. Старички возились в саду, потому что днем для них было слишком жарко.

– Хозяева, гостей принимаете?

Анна Ивановна всплеснула руками и так обрадовалась Надежде, что сразу было ясно – хочет узнать все подробности утренних событий. Сергей Петрович возился с яблонями, что-то ему там не нравилось, а из-за сарая доносился стук топора.

– Кто же у вас дрова колет? Сын приехал?

– Дождешься его, как же. Это сосед наш новый, Алексей. Дрова колет и денег не берет. Мой-то дед уже не может, сердце у него.

– Это с какого же дома сосед? – заинтересовалась Надежда.

– Да бывший дяди-Колин дом. Хозяйка пустила Алексея пожить. У нее самой дача в Васкелове, ей тут не нравится. А он, Алексей-то, какой-то ей родственник. У него в жизни такая драма случилась. – Анна Ивановна понизила голос.

– Анна! – послышался из сада строгий голос. – Опять языком болтаешь? Лучше Надю чаем пои.

– Тут неудобно, я тебе потом расскажу, – шепнула Анна Ивановна.

Алексея пригласили к столу, он не отказывался. За чаем Надежда еще раз подробно изложила утренние события, умолчав о записке, дискете и о том, что она видела на шее покойника кожаный ремешок.

Алексей во время беседы держался спокойно, вопросов не задавал, но и не делал вид, что его не интересует предмет разговора. После чая Надежда с хозяйкой уселись на лавочке, а Алексей опять отправился колоть дрова. Надежда незаметно к нему присматривалась.

Одет просто, бедно даже, но в деревне многие так ходят. На вид лет сорок, может, чуть меньше. Росту выше среднего и очень худой. Живет один, питается плохо, сердобольно подумала Надежда. Однако дрова он колол умело и быстро, Надежда даже засмотрелась. Ни одного лишнего суетливого движения. Вот он ставит чурбан на колоду, взмах топора – пополам, потом каждую половину, взмах топора – и готово. Гора поленьев быстро росла. Анна Ивановна проследила за ее взглядом:

– Завидуешь? Вот какого мастера нашли!

– На три вещи можно смотреть бесконечно – на огонь, на воду и на то, как другие работают, – засмеялась Надежда. – Однако пойдуй, пожалуй, поливать еще.

– Как у тебя огород?

– Огурцов опятьросло пропасть, – вздохнула Надежда, – боюсь, банок не хватит.

Анна Ивановна вышла проводить ее до шоссе. Надежда неожиданно оглянулась и увидела, что Алексей внимательно на нее смотрит. Она обернулась так быстро, что он не успел погасить в глазах искорки живейшего интереса.

– Так что, Анна Ивановна, с соседом вашим?

– Ох, Надя, там такая история. Его с работы сократили. А жена из дому выгнала.

– Ну уж!

– Вот честное слово. Он сам рассказывал. Вот слушай. Приезжаем мы пятнадцатого апреля, как всегда, вижу я – соседский дом открыт. Я сначала думала, может, кто залез, а потом

захожу и вижу, что лежит кто-то, болеет. Дом нетопленный, он сам кашляет – ужас. Дали мы ему дров, продуктов кое-каких, потом он очухался потихоньку, начал в огороде возиться, сарай на дрова разобрал. Ведь она ему ни денег, ни вещей не отдала!

– Странная история, – недоверчиво проговорила Надежда.

– А что ты думаешь? Очень даже может быть! Сейчас ведь как? Жили-жили, а если деньги перестал зарабатывать, то сразу никому не нужен. А мужчина-то приличный, работающий, не пьет совсем. Вот я думаю, может, найти ему кого-нибудь?

– Да кого же вы ему тут в деревне найдете?

– И то верно! Ну спокойной ночи, заходи еще!

Дома оказалось, что некормленный Бейсик опустился до попрошайничества. Он сидел на тропинке, ведущей к речке, и, увидев рыбака, поднимающегося с удочкой, начинал так жалобно мяукать, что каждый проходящий не мог не бросить ему рыбку. Надежда пришла в ужас.

– Бейсик, как тебе не стыдно, ты же кот из приличной семьи!

Бейсик даже не стал делать вид, что смущен.

Когда огород был полит и все дела переделаны, Надежда присела на лавочке поразмыслить.

«Мне сорок восемь лет. Как ни печально это сознавать, но факт есть факт. Правда, мой муж утверждает, что выгляжу я лет на пять моложе. Но во-первых, это он мне льстит, во-вторых, здесь, без косметики и в простом платье, в общем, можно отбросить максимум года три. И вряд ли мужчина моложе сорока может положить на меня глаз, не будем переоценивать свои силы. А это значит, что интерес, который я заметила в глазах Алексея, вовсе не амурного свойства. И я смело могу предположить, что интересую его исключительно как человек, непосредственно замешанный во всей истории с покойником. Но он-то здесь каким боком? Нищий бедолага, выгнанный женой из дому, какая у него связь с убийством в лесу? Нет, верно, он просто так смотрел. Может, ему понравилось подаренное Алкой платье? Некоторые мужчины реагируют на яркий цвет, как бабочки...»

С такими мыслями Надежда легла. Она думала, что долго не заснет от переживаний, но заснула сразу же, и снился ей муж. Веселый и довольный.

У капитана Свирбенко был гость. Капитан закрылся с ним в самой дальней комнате своего большого деревенского дома на окраине Оредежа. У капитана была еще квартира в пятиэтажном доме в центре поселка, там он жил с женой и детьми, а здесь оставались мать и незамужняя сестра. Гость капитана еще днем дал ему знать, что зайдет, поэтому Свирбенко его ожидал. Гость принес бутылку коньяку, но сам почти не пил, только пригубил рюмку. Зато капитан, намучившись с утра, дал себе волю. Гость посмотрел на часы и приступил к цели своего визита:

– А что, Свирбенко, с этим покойником, что утром в лесу нашли, неясности какие-нибудь есть?

– Какие неясности? – отозвался капитан, закусывая коньяк свежепосоленным огурчиком. – Все просто. Удушили жмурика, и все.

– Удушили, говоришь? А мне показалось, это несчастный случай, человеку плохо стало в лесу, он и помер. От астмы там или от инсульта.

Капитан отставил недопитый стакан и уставился на своего визави.

– Да как же от астмы, когда там ремень кожаный на шее имеется.

Гость слегка поморщился.

– А ты уж всем и растрепал про ремень. Кто его видел?

– Врач видел, – ответил Свирбенко, подумав. – Я видел, Васильич, парень, что снимал.

– Ну с Васильичем и со вторым ты уж сам договоришься. А врач ваш?

– Да нет, из больницы, штатский.

– Ты помозгуй, как его убедить.

– Да как же? – опять заныл капитан. – Ведь дело открыто, заключение врача есть, а там черным по белому сказано... Начальство из Луги приедет.

– Значит, перепишите заключение! – Гость повысил голос. – Давай, Свирбенко, зарплату отработывай.

– Уж не ваши ли там набезобразили? – упавшим голосом спросил капитан. – Тогда чего ж вы раньше-то?

– А где же тебя раньше перехватить? – рассердился гость. – Ты ж у нас весь на виду, начальство... А насчет того, наши или не наши, это, капитан, не важно, – сказал гость помягче и собрался уходить. – Завтра зайду, доложишь про врача. Ну бывай! – Гость оглянулся, и ему пришли в голову слова песни: «Никогда, капитан, ты не станешь майором!»

Почему-то капитан Свирбенко у многих вызывал желание пропеть ему эту песенку вслух.

Проводив гостя, Свирбенко посмотрел на несколько зеленых бумажек, которые тот оставил на столе, и глубоко задумался. Гость капитана вышел на шоссе и не спеша пошел по направлению к деревне Лисино. Почти тотчас же перед ним бесшумно остановился автомобиль «вольво». Водитель открыл дверцу, но из машины не вышел. Машина проехала деревню Лисино. Из нее в Забелино можно было попасть по шоссе или по проселку, так называемой старой дороге. Сразу за Лисином дороги шли почти рядом, поэтому «вольво» аккуратно съехала с шоссе на старую дорогу, проехала медленно полтора километра и остановилась, не доезжая до деревни. Пассажир вышел и по тропинке углубился в рощу.

«И что мы имеем? – сказала самой себе Надежда утром. – Ровным счетом ничего». Никто ей ничего не рассказал, сим-сим дверь не открыл. В четырех домах два старика, одинокий мужчина, выгнанный из дому, а также тетя Шура, помешавшаяся от ненависти к соседям. Вообще-то ее можно понять. Целый день перед глазами этакий домина, она все время думает, что судьба могла распорядиться иначе и у нее тоже мог бы быть такой дом. Что касается обитателей этого дома, замка, как его называют в деревне, потому что башенки по краям и стрельчатые окна и правда напоминают псевдоготический замок, то кто там конкретно живет, в деревне толком не знают. Приезжают разные люди на иномарках, ворота открываются, а дальше все происходит вдалеке от любопытных деревенских глаз. Однако, заметила Надежда, не в ее правилах отказываться от расследования при первой неудаче.

«Начнем сначала. Если не считать покойника, о котором знают все, имеются два факта, о которых знаю только я. Знал убитый, он уже никому ничего не расскажет, знали люди, что его послали, но они далеко».

Итак, эти два факта – записка и дискета. Записка недвусмысленно указывает на четыре дома, а дискета... Дискета предполагает наличие компьютера. У кого в деревне есть компьютер? У Надежды, но про это никто не знает. Из тех четырех домов компьютер может быть только в каменном замке. Телевизионная суперантенна у них на крыше торчит, так почему бы не быть компьютеру?

– М-да, – сказала Надежда вслух, – как ни противно, но придется пообщаться с тетей Шурой. У ненависти глаза открыты, возможно, она что-то видела.

Легко сказать – пообщаться. А как это сделать? Тетя Шура не тот человек, с кем можно просто так, за здорово живешь, пообщаться. В гости к ней никто не ходит. Во-первых, она не приглашает – комплексует по поводу бани. А с другой стороны, никому не хочется слушать ее бесконечные жалобы на соседей. В деревне люди всякие есть, кто с соседями дружно живет, кто лается много лет, но тетя Шура про своих уж больно много наговаривает. Свихнулась она маленько на этой почве. Где же можно случайно с ней столкнуться? Магазина у них в деревне нет, колодец у каждого свой... Молоко! В деревне три коровы, одна – у Надеждиной знакомой

бабушки Мани, две других – у соседок, лютых врагинь. Живут напротив, обе – Нины, коровы у них – родные сестры. Ненавидят друг друга по-страшному, никто уже не помнит, за что. И главное, если бы клиентов друг от друга отбивали, так нет – коров мало, за молоком люди летом в очередь.

Но самое лучшее молоко по праву считается у бабы Мани, покупатели у нее постоянные, всегда довольны. Надеждина мать тоже брала у бабы Мани, кот Бейсик ее молоко очень уважал. И тетю Шуру баба Маня привечала, хотя и давала ей молоко в неудобное время – с дневной дойки, в два часа. «Ладно, – решила Надежда, – пойдем в два часа».

Пора было выбросить из головы посторонние мысли и сосредоточиться на сельском хозяйстве, не говоря уже о работе на компьютере.

Работа в огороде хороша тем, что голова остается свободной. И в голове у Надежды неотступно стучала мысль, кто же мог убить неизвестного мужчину, выдававшего себя за грибника. Если злоумышленники хотели скрыть труп, то зачем было оставлять его на поляне? А с другой стороны, раз человек выдавал себя за грибника, то приехал он на первой электричке. Очевидно, ехать на последней он побоялся: в темноте в лесу блуждать – ничего хорошего. Первая электричка приходит на станцию Пески, от которой тропинка через лес, приблизительно в полседьмого утра. Быстрым шагом до того места, где наши убитого, еще полчаса. Итого примерно в семь утра, когда совсем светло, все и случилось. Есть километрах в полутора от того места гиблое болото, туда не то что труп человека – грузовик можно засунуть, уйдет под воду, просто не сразу. Так что злоумышленники, видно, поостереглись утром шататься по лесу с покойником наперевес – мало ли кто может встретиться. Грибов-то нет, но ходят охотники – по одному-двое в каждой деревне имеется. Или кому-то срочно понадобится бревнышко в лесу добыть на дрова или еще для какой надобности. Так, очевидно, бандиты и решили оставить пока труп на поляне, а вечером попозже вернуться. И если бы не неутомная Нина Михайловна, которой невтерпех стало за малиной, а потом – не ее эрдель, то все было бы шито-крыто.

Надежда поглядывала на солнце и думала, как бы ей половчее расспросить пожилого милиционера Васильича, когда тот явится к ней подписывать протокол. Ей хотелось знать, установили ли уже точное время смерти. Тогда можно было бы определить, в правильном ли направлении она мыслит. Во втором часу она выползла наконец из огорода, умылась, надела ситцевый сарафан, черный в меленький белый горошек, и отправилась за молоком к бабушке Мане. Она специально пришла пораньше и увидела, что тетя Шура уже сидит с бидоном в тенечке. Кошка Люська разлеглась на пороге хлева, ожидая порции парного молока. Жужжал шмель, из хлева слышалось журчание молочных струй и ласковое бормотание бабушки Мани – она беседовала с коровой.

– Добрый день, тетя Шура, – сказала Надежда, усаживаясь на лавочку, – как у вас огород?

– Какой у меня огород! – горько откликнулась тетя Шура. – Когда ихний дом пол-участка затеняет.

Это была заведомая неправда, но для начала разговора вполне годилось.

– Так ли уж и пол-участка? – притворно усомнилась Надежда.

– Приходи – сама увидишь. А где дом не мешает, там земля плохая, одни камни.

– Но огурцы-то есть?

– Огурцы есть, но разве в этом дело! – страстно ответила тетя Шура.

– Тетя Шура, – не выдержала Надежда, – что вы так себя изводите? Мало ли богатых людей теперь развелось! Что ж из-за каждого нового русского здоровье свое гробить!

– Ай, да ничего ты не понимаешь! – с досадой воскликнула тетя Шура. – Если бы были люди приличные, то я ничего... Но, Надя, точно тебе говорю – нечисто в том доме. Ночами такое там делается – кровь в жилах стынет, оторопь берет.

– Ну, хозяева богатые люди, приезжают на выходные, как теперь говорят, оттянуться. И считают, что за своим забором могут делать что хотят – никому их не видно.

– Не видно! – хмыкнула тетя Шура. – Но вот попомни мое слово – добром там не кончится.

– Да что они там делают такого страшного?

– А вот приходи ночью – увидишь! – В глазах тети Шуры зажегся маниакальный огонь. «Плохо дело». Надежда даже слегка отодвинулась на край лавки.

Тетя Шура обиженно замолчала. Ситуацию несколько разрядил приход бабы Мани с подойником.

– Хозяйка, дома ли? – послышался от калитки голос Васильича.

– Заходите, заходите, – откликнулась Надежда, – с утра вас ждем.

Заметив ее, Васильич почему-то не обрадовался.

– Мария Ивановна, подпишите тут и вот тут.

– Это штой-то?

– Протокол, – терпеливо объяснил Васильич, – с вас вчера показания снимали?

– Ничего с меня не снимали, – рассердилась баба Маня, – только капитан нагрубил. Надя, глянь-ко, что там написано, очки долго искать.

– Не положено, – строго сказал Васильич, – посторонним – не положено.

– Да ты в уме ли? Какая она посторонняя? Она ж свидетель.

– А капитан Свирбенко сказал, что раз документов нет, то никакой она не свидетель. Вы свою личность удостоверить можете? – обратился он к Надежде. – Нет? Ну тогда зачем вам эта головная боль?

– Значит, как десять раз меня по солнцепеку гонять, то я свидетель, а в документах я у вас не фигурирую.

– Да какая разница? Что вы такого видели, чего они не разглядели? Это капитан так сказал, – поправился Васильич.

«Много чего, – подумала Надежда, но не стала спорить и собралась домой. – Ничего им рассказывать не буду, пусть сами вертятся».

Васильич зачитывал бабе Мане протокол, составленный в очень расплывчатых выражениях. Действительно, две старухи близко к покойнику не подходили. Что они могли видеть?

– Уже известно, отчего он умер? – миролюбиво спросила Надежда Васильича.

Тот отвел глаза.

– Не знаю я, медицина разбирается.

«Что тут разбираться? – удивилась Надежда. – Задушили человека весьма профессионально».

– И вскрытие делать будут? – прищурилась она.

– Уж больно вы, гражданка, любопытная! – огрызнулся Васильич и набросился на попавшую ему на глаза тетю Шуру: – Тимофеева Александра Федоровна, я вас предупреждал, чтобы прекратили писать! Время только у людей отнимаете!

– Раз сигнал, вы обязаны прореагировать, – упрямо ответила тетя Шура, – а из ваших никто не приехал, не поинтересовался, что тут у меня соседи выделывают.

– От других жалоб не поступало!

– Ай, все-то вы купленные, правды не найти!

– Ты, Тимофеева, полегче. – Васильич и вправду обиделся.

Надежда поскорее выкатилась за калитку с бидоном и тетей Шурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.